

Монаший капюшон

Автор:

[Эллис Питерс](#)

Монаший капюшон

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #3Шедевры исторического детектива (Рипол)

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. В бенедиктинский монастырь приезжает семья Бонел с намерением завещать обители свои владения в обмен на пожизненный пансион. Внезапно Гервас Бонел заболевает. Кадфаэль, искусный лекарь и травник, спешит помочь больному, но все его усилия тщетны: Бонел умирает. На этом сюрпризы не заканчиваются. В жене Бонела Кадфаэль узнает свою бывшую невесту Ричильдис, а в убийстве обвиняют ее сына Эдвина.

Эллис Питерс

Монаший капюшон

ELLIS PETERS

Monk's Hood 1980

© Storyside. 2021

© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2021

Глава первая

В то утро, в начале декабря 1138 года, брат Кадфаэль пришел на собрание капитула в умиротворенном состоянии духа, готовый терпеливо снести и монотонную, занудную манеру, в которой читал выдержки из житий святых брат Фрэнсис, и невразумительное многословие брата Бенедикта, ризничего, которому только бы толковать об обычаях да законах. Всякий человек несовершенен, и ему присущи свои слабости, однако не лучше ли отнестись к ним снисходительно – особенно теперь, когда столь бурный год, начало которого было отмечено осадой, резней и разрушениями, подходя к концу, сулил спокойствие и относительное благополучие. Междоусобная война, которую вели король Стефан и приверженцы императрицы Матильды, отхлынула к юго-западным границам, и городу Шрусбери, заплатившему кровавую цену за то, что он поддержал слабую сторону, представилась возможность залечить свои раны. И хотя обстоятельства не слишком благоприятствовали хозяйственным заботам, лето удалось погожим, и щедрый урожай успешно убрали в закрома. Амбары были полны, мельницы мололи без устали, стада паслись на небывало зеленых и сочных для этого времени года лугах, и погода стояла на удивление мягкая, разве что поутру случались заморозки. Пока еще никто не замерзал и не страдал от голода. Такое не могло продолжаться слишком долго, и потому каждый благодатный денек казался ниспосланным самими небесами.

В маленьких владениях брата Кадфаэля тоже был собран обильный урожай. Стены укрытого в саду сарайчика, служившего ему мастерской, были увешаны холщовыми мешочками с высушенными травами, рядами выстроились жбаны с вином, а полки были уставлены склянками и горшочками со снадобьями от всякого рода хворей, какие приключаются по зиме, годными на то, чтобы врачевать и простуду, и раны, и ломоту в костях. Этой зимой жить стало полегче, не то что прошлой весной, и слава Богу: все хорошо, что хорошо кончается.

Пребывая в благостном настроении, брат Кадфаэль пристроился на своем излюбленном месте, в укромном уголке за колонной, и в полудреме добродушно поглядывал на братьев, собиравшихся в зале капитула. С озабоченным видом вошел аббат Хериберт, мягкосердечный старик, которому нынешний тревожный год принес немало огорчений, а следом – приор Роберт Пеннант, высокий и благообразный, с серебряными сединами и лицом цвета слоновой кости, державшийся прямо и величаво, словно главу его венчала митра, что было его заветной мечтой. Приор не был ни стар, ни немощен, ему пошел пятьдесят второй год; при всем том он ухитрялся выглядеть с головы до пят патриархом, причисленным при жизни к лику святых за праведность и благочестие. Годы как будто не имели над ним власти: сейчас облик его был таким же, как и десять лет назад, и, скорее всего, не сулил изменений в ближайшие двадцать лет. По пятам за приором, всем своим видом выражая преданность, следовал его писец, брат Жером, лицо которого, как маленькое кривое зеркало, отражало малейшие перемены в настроении Роберта. За ними шли остальные: субприор, ризничий, попечитель странноприимного дома, раздатчик милостыни, смотритель лазарета, хранитель алтаря Пресвятой Девы, келарь, регент и наставник послушников, а также простые братья. День не сулил ничего примечательного, и монахи готовились провести его в обычных, повседневных трудах.

Молодой брат Фрэнсис без того был не в ладах с латынью, а тут еще подхватил насморк, и потому не вполне разборчиво огласил имена святых, которых надлежало поминать в молитвах в предстоящий день, и проямлил благочестивый комментарий к деяниям святого апостола Андрея, день которого только что минул. Брат Бенедикт, ризничий, умудрился довольно убедительно доказать, что будет только справедливо, если ему, как ответственному за содержание всего храма, предоставят право распоряжаться большей частью выделяемых средств и поставлять свечи для алтаря Пресвятой Девы, что было привилегией брата Маврикия. Регент известил капитул о новом пожертвовании на церковный хор и, как положено, возблагодарил дарителя. Однако особого энтузиазма в его голосе не слышалось – судя по всему, и этот вклад был не слишком щедрым, а уж на новые и вовсе не приходилось рассчитывать. Брат Павел, наставник послушников, посетовал на то, что один из его учеников проявил неподобающее легкомыслие, которое вряд ли можно извинить юностью и неопытностью провинившегося. Слышали, как этот юнец, сидя в своей келье и переписывая молитву святого Августина, распевал мирскую песенку непристойного содержания. Подумать только, в ней рассказывается, как плененный сарацинами христианский паломник находит утешение в том, что прижимает к груди сорочку, врученную ему возлюбленной при расставании.

Кадфаэль, уже погрузившийся к тому времени в дремоту, тут же припомнил эту песенку – мелодичную и слегка фривольную. Он ведь сам побывал в крестовом походе, не понаслышке знал землю сарацин, и ему ли было не понять, что такое призрачный свет в мрачной темнице и томительная боль разлуки. Зато брат Жером набожно закрыл глаза, всем своим видом показывая, что одно упоминание о столь интимном предмете женской одежды повергает его в ужас. «Видно, бедняге никогда не доводилось и прикасаться к чему-нибудь подобному», – подумал Кадфаэль, все еще сохранявший благодушное настроение. Для иных братьев, всю жизнь соблюдавших целомудрие, слабая половина человечества так и осталась запретной книгой и оттого внушала страх. Затем Кадфаэль сделал то, что нечасто делалось на собраниях капитула, – он добродушно поинтересовался, что же говорит в свое оправдание сам мальчик.

– Он сказал, – вежливо ответил брат Павел, – что этой песне научился у своего деда, который был крестоносцем и штурмовал Иерусалим. И что мелодия столь красива, что показалась ему чуть ли не духовным песнопением, тем паче что рассказ в песне ведется не от лица монаха, а от имени несчастного мирянина, страдающего от разлуки с предметом своей любви.

– Причем любви оправданной, освященной церковью, – указал брат Кадфаэль, малость погрешив против сокровенного своего убеждения, что любовь не нуждается в оправданиях. – Разве есть в словах этой песни хотя бы намек на то, что женщина, с которой расстался несчастный, не доводится ему законной женой? Я что-то такого не припомню. О музыке же и говорить нечего. И разумеется, наш орден нимало не подвергает сомнению святость таинства брака – безусловно, для тех, кто не связан монашеским обетом. По моему разумению, не так уж велико прегрешение этого мальчонки. А уж коли Господь одарил его голосом, то почему бы брату регенту не испробовать его в хоре? Раз он поет за работой, стало быть, есть у него потребность не зарывать в землю Богом данный талант.

Регент несколько удивился такому предложению, однако принял подсказку Кадфаэля с благодарностью и согласился послушать, как поет новичок, – хор отнюдь не страдал от избытка способных певчих. Приор Роберт сурово насупил брови и недовольно наморщил свой патрицианский нос: доведись ему выносить вердикт самолично, провинившемуся наверняка не миновать бы строгой епитимьи. Однако наставник послушников вовсе не был склонен к чрезмерной строгости и, по-видимому, был доволен тем, что у него появилось веское основание оставить проступок ученика без последствий.

– Отец аббат, мальчик – любознательный и усердный, у нас он недавно. И правда, бывает ведь, что забудешься и запоешь за работой, а переписчик из него старательный.

В результате мальчуган отделался легким покаянием, избавленный от необходимости стоять на коленях, пока не онемеют ноги. Аббат Хериберт, всегда отличавшийся снисходительностью, выглядел сегодня непривычно озабоченным; похоже, мысли его витали где-то далеко. Обсуждение дел подходило к концу, и аббат поднялся, очевидно собираясь объявить об окончании собрания.

– Вот еще несколько документов, которые надо скрепить печатью, – напомнил брат Матфей, келарь, и торопливо зашелестел свитками пергамента, подумав о том, что аббат сегодня слишком рассеян и забывчив. – Здесь дело о ферме Хэйлза, нашего ленника, и о вкладе, внесенном Уолтером Эйлвином, и соглашение с Гервасом Бонелом и его женой, которым мы выделяем для жительства дом за мельничным прудом. Мастер Бонел хотел бы переехать как можно скорее, еще до Рождества...

– Да-да, припоминаю. – Держа свиток обеими руками, аббат Хериберт стоял перед ними – маленький, исполненный достоинства и какой-то отстраненный. – Но я должен сообщить вам нечто важное. Есть существенная причина, в силу которой я не могу утвердить сегодня эти документы. Вполне возможно, что сейчас я уже не имею на то полномочий и не вправе заключать какие бы то ни было соглашения от лица нашей общины. Вчера я получил письмо из Вестминстера, где ныне пребывает королевский двор. Всем вам известно, что Папа Иннокентий признал право Стефана на престол и в поддержку ему прислал наделенного особыми полномочиями легата Альберика, кардинала-епископа Остии. Кардинал постановил созвать в Лондоне легатский совет для реформирования церковного управления и повелел мне явиться туда и представить отчет о своем служении в качестве аббата этой обители. Из письма явствует, что легат вправе распоряжаться моей судьбой, – печальным, но твердым голосом добавил Хериберт. – Мы пережили нелегкий год, когда обители пришлось выбирать между двумя претендентами на королевский трон. Ни для кого не секрет, что когда его милость летом был в Шрусбери, он не слишком благоволил ко мне, ибо, признаю, в то смутное время я не сразу понял, кого держаться, и не слишком торопился признать его власть. Поэтому теперь я нахожусь в неопределенном положении, во всяком случае до тех пор, пока легатский совет не утвердит меня вновь в должности аббата, а это весьма

сомнительно. Посему я не могу утверждать документы от имени нашего аббатства. Так что незавершенным делам придется подождать, пока обстановка не прояснится. Я не могу взять на себя решение вопросов, которые, не исключено, уже не относятся к моему ведению.

Сказав то, что должен был сказать, аббат вернулся на свое место и смиренно сложил руки. По рядам братьев прокатился ропот смущения, растерянности и страха, напоминавший жужжание растревоженного пчелиного улья. Правда, как заметил с болью Кадфаэль, отнюдь не все пришли в ужас. Приор Роберт, умевший во всем соблюдать благопристойность, был на первый взгляд встревожен, как и остальные, однако его бледное лицо прямо-таки светилось изнутри. Брат Жером, который чутко улавливал настроение своего патрона, довольно потирал руки, скрытые в широких рукавах рясы, лицо же его выражало подобающее случаю сочувствие. Не то чтобы эти двое имели что-то лично против Хериберта – просто аббат слишком засиделся на своем посту, столь возжеленном для некоторых его нетерпеливых подчиненных. Спору нет, он был славный старик, но уже одряхлел и пережил свое время. Так и король, если он правит слишком долго, сам напрашивается на то, чтобы его низложили. Однако братья всполошились, словно насадки, узревшие в курятнике лисицу, и восклицали наперебой:

– Но, отец аббат, король конечно же восстановит тебя в должности!

– О отче, а нужно ли тебе ехать на этот совет?

– Мы без тебя как овцы без пастыря!

Приор Роберт, считавший, что уж кто-кто, а он-то превосходно подходит для того, чтобы, буде потребуется, управлять здешней паствой, бросил на сокрушавшегося быстрый взгляд василиска[1 - Василиск – сказочное чудовище, убивающее взглядом.], но вслух не только не возразил, но, напротив, выразил свое огорчение и пробормотал соболезнования.

– Я верный сын и слуга церкви, – грустно промолвил аббат Хериберт, – и мой долг велит мне повиноваться. Если церкви будет угодно утвердить меня в должности, я вернусь и продолжу обычное свое служение. Если же на мое место будет назначен другой, я, коли мне это позволят, по-прежнему останусь среди вас и проведу остаток своих дней как смиренный брат нашей обители под

началом нового пастыря.

Кадфаэлю показалось, что по лицу приора Роберта промелькнула довольная улыбка, – ясно, что он будет только рад, если бывший начальник окажется у него в подчинении в качестве простого монаха.

– Ныне очевидно, – кротко продолжал аббат Хериберт, – что, пока не разрешен этот вопрос, я не могу пользоваться полномочиями аббата и с утверждением этих соглашений придется подождать до моего возвращения или до тех пор, пока кто-то другой не будет назначен аббатом Шрусберийской обители. Есть ли дела, не терпящие отлагательства?

Брат Матфей, который еще не оправился от потрясения, задумался, перебирая свои свитки.

– Ну, с делом о вкладе Эйлвина можно и не спешить – он старый друг нашей обители и подождет столько, сколько потребуется. Да и дело о ферме Хэйлза можно отложить до самого Благовещения, так что время терпит. Только вот мастер Бонел, он ведь рассчитывал, что его соглашение будет утверждено незамедлительно. Он уже собрался перевозить в монастырский дом свои пожитки.

– Напомни мне условия, пожалуйста, – извиняющимся тоном попросил аббат, – голова у меня в последнее время была занята другим, вот я и запамятовал, о чем мы там с ним договорились.

– Он передает обители в полное владение свой манор[2 - Манор – феодальная вотчина в средневековой Англии.] Малийли, включая земли, на которых трудятся несколько его арендаторов. В обмен на это мы предоставляем ему усадьбу здесь, в аббатстве. Один дом – самый первый на городской стороне у мельничного пруда – как раз свободен и подходит для него. Мы обязуемся поставлять все необходимые припасы для него, его жены и двоих слуг. Тут оговорены все подробности, предусмотренные в подобных случаях. Они будут получать ежедневно по два карава хлеба из тех, что идут на стол братии, и по одному из тех, что выпекают для служек. Так же и эля: того, что отпускается монахам, они получают по два галлона в день, а того, что пьют служки, – по одному. В скоромные дни им будут посылать мясные блюда, какие подают высшим аббатским служителям из мирян, а в постные – рыбу с аббатской кухни.

Ну а по праздникам, само собой, – дополнительные лакомства, какими будет богата обитель. За припасами на кухню будет приходиться их слуга. Кстати, прислуге тоже будет выдаваться по мясному или рыбному блюду в день. Каждый год мастер Бонел будет получать новое платье – такое же, какое носят старшие члены клира, а что до его жены, она предпочла, чтобы ей выдавали десять шиллингов в год, а уж на них она купит платье, какое пожелает. А еще десять шиллингов в год им положено на белье, дрова и упряжь для одной лошади. И, по смерти любого из супругов, оставшийся в живых сохраняет пожизненно право пользования домом и право на половину перечисленного довольствия, правда, если жена переживет мужа, обитель не должна будет содержать для нее лошадь в монастырской конюшне. Таковы оговоренные условия, и я собирался сразу после капитула пригласить сюда свидетелей, дабы в их присутствии утвердить соглашение. Судейский писец уже дожидается.

– Боюсь, – тяжело вздохнул аббат, – что тем не менее это придется отложить. Сейчас я не имею права принимать такие решения.

– Мастер Бонел будет очень недоволен, – взволнованно проговорил келарь, – они ведь уже все подготовили для переезда сюда и рассчитывали перебраться в ближайшие дни. Приближаются рождественские праздники, и было бы неловко, если бы им пришлось встречать их сидя на сундуках.

– Но ведь, – вступил в разговор приор, – если с утверждением соглашения и придется повременить, то откладывать переезд нет никакой нужды. Кто бы ни был назначен на место аббата, трудно предположить, чтобы он захотел расторгнуть этот договор. – Роберт говорил с большой уверенностью, ибо знал, что король Стефан расположен к нему больше, чем к Хериберту, а стало быть, ясно, что он-то и есть первый претендент на этот пост.

Хериберт ухватился за его предложение:

– И верно. Почему бы им не переехать? Да, брат Матфей, оставь на потом утверждение документов – никуда оно не денется, это же очевидно. Извести лучше наших гостей, что они могут перебираться и перевозить свои пожитки. Пусть встречают Рождество Христово, уютно устроившись на новом месте. Больше ничего срочного нет?

– Ничего, отче, – отозвался келарь, а потом спросил задумчиво и печально: – Когда тебе надлежит отправляться в путь?

– Надо бы послезавтра. Годы мои уж не те, чтобы ехать быстро, и на дорогу уйдет несколько дней. В мое отсутствие отвечать за все будет, разумеется, приор Роберт.

Аббат Хериберт поднял руку, рассеянно благословил братию и направился к выходу. Стремительным шагом за ним двинулся приор Роберт. Он уже чувствовал себя облеченным властью над владениями аббатства Святых Петра и Павла в Шрусбери и твердо рассчитывал на то, что бремя этой власти ему суждено нести до конца своих дней.

Один за другим, в тяжелом молчании, подавленные сообщением аббата, братья вышли из зала и, разойдясь по двору, принялись взволнованно обсуждать новость. Вот уже одиннадцать лет Хериберт возглавлял обитель; нести послушание под началом такого доброго, приветливого и покладистого человека было легко, пожалуй, даже слишком легко, и братья не желали никаких перемен.

В десять часов должны были служить мессу. Оставалось еще полчаса, и погруженный в раздумье Кадфаэль отправился в свой сарайчик в саду, чтобы приглядеть за настаивающимися снадобьями.

Густая, аккуратно подрезанная живая изгородь с первыми, еще робкими морозцами уже начинала блекнуть, сухие, пожелтевшие листья понуро свисали с ветвей. Самые нежные, теплолюбивые растения Кадфаэль уже пересадил и укрыл от надвигающихся холодов. Наступающая зима давала о себе знать, но воздух в саду еще хранил аромат ушедшего лета, а внутри сарая голова кружилась от пряного, пьянящего благоухания. Кадфаэль частенько уединялся здесь, чтобы поразмыслить в одиночестве. Он настолько привык к стоявшему в помещении терпкому запаху трав и настоев, что почти не замечал его, хотя, будь в том нужда, мог мгновенно определить тончайший аромат и указать на его источник.

Стало быть, размышлял монах, король Стефан так и не забыл о своем недовольстве аббатом, и теперь Хериберту предстоит стать козлом отпущения за то, что Шрусбери осмелился противостоять притязаниям короля. Странно,

однако, ведь Стефан по натуре человек не мстительный. Вероятно, он чувствует необходимость ублажить легата и тем самым подольститься к Папе. Ведь Папа признал его королем, а папская поддержка – это такое оружие, каким никак нельзя пренебрегать в борьбе с императрицей Матильдой, которая тоже претендует на английский трон. Что и говорить, эта неукротимая леди не откажется так просто от своих притязаний и приложит все силы, чтобы переубедить Рим, а ведь даже Папы могут менять свои привязанности. Поэтому, наверное, король и предоставил Альберiku Остийскому полную свободу в осуществлении его планов переустройства церковного управления, а заодно и решил принести старого аббата в жертву неумемному рвению реформатора.

Размышляя об этом, Кадфаэль в то же время никак не мог отделаться от навязчивых мыслей совсем по другому поводу. Не шла у него из головы история с так называемыми гостями аббатства. Удивительно, что во цвете лет люди принимают решение оставить труды и заботы мирской жизни и передать свои владения аббатству в обмен на безбедное, спокойное и безмятежное существование в монастырском доме на всем готовом – даже пальцем шевелить не придется. Неужели об этом они мечтают, ухаживая за скотом, проливая пот на пашне, торгуя в лавках и работая в мастерских? О таком крохотном земном рае, где манна сыплется с неба и где нечего делать, кроме как летом греться на солнышке, а зимой потягивать подогретый эль у камелька? Интересно, долго ли будет человек радоваться, получив все это? Ведь от безделья и заболеть недолго. Конечно, если человек немощен, скажем хром или слеп, то его понять можно. Но почему на такое решаются здоровые люди, которым ведома радость трудов и свершений, – этого ему не уразуметь. Здесь должны быть веские причины. Далеко не каждого можно провести, далеко не все склонны обманываться, принимая праздность за благодать. Что же еще может подтолкнуть к такому шагу? Отсутствие наследника? Или же у человека появляется тяга к монашеской жизни, еще не вполне осознанная, – вот он и избирает такой удел, не решаясь пока принять иноческий обет? Может, и так! Если человек женат, немолод и сознает, что жизнь прожита, почему бы и нет. Многие надевали рясу, когда полдень их жизни оставался позади: дети выросли, да и внуки пристроены... Дом милосердия и статус «гостя» обители может оказаться подготовкой к монашеству. Но возможно и другое: человек бросает дело своей жизни назло всему свету, скажем, из-за того, что у него сын непутевый. Только вот снимет ли это с его души камень?

В то серое, хмурое утро, когда аббат Хериберт отбыл из Шрусбери по дороге, ведущей в Лондон, впервые в эту зиму нос и щеки щипал морозец, а на поблекшей траве искорками поблескивал иней. Аббат взял с собой своего писца, брата Эммануила, и двух конюхов, которые дольше всех служили в обители, но так и не приняли пострига. Ехал Хериберт на своем белоснежном муле. При прощании он старался выглядеть веселым и беззаботным, но чем дальше удалялся от обители, тем печальнее становился.

Аббат и в молодости-то не был лихим наездником, а теперь уж и подавно. Седло ему подобрали высокое и удобное, но он и с него свисал, словно куль с овсом. Многие братья столпились в воротах и провожали Хериберта взглядами, пока он не скрылся из виду. Выглядели они удрученно, и было от чего прийти в уныние. Еще более огорчены были прибежавшие попрощаться мальчишки-послушники. Все знали, что Хериберт никогда не требовал от брата Павла излишней строгости к ученикам, а вот приор Роберт наверняка будет совать нос во все подряд, и им, как и всем в обители, следует ждать ужесточения дисциплины.

По правде говоря, чуть больше строгости обители отнюдь бы не помешало, и с этим Кадфаэль готов был согласиться. В последнее время Хериберт глубоко разочаровался в суетном мире и в натуре человеческой и все более погружался в себя и в свои молитвы. Безусловно, кровавые события, последовавшие за осадой и падением Шрусбери, кого угодно могли опечалить, но едва ли скорбь может послужить оправданием для тех, кто пренебрегает возможностью отстаивать правое дело и противиться неправому. Увы, приходит время – старость дает о себе знать, и бремя власти становится для кого-то непосильным. И кто знает, не вздохнет ли Хериберт с облегчением, когда освободится от бремени, пусть даже и не осознает этого сейчас?

И обедня, и собрание капитула в тот день прошли спокойно и благопристойно. Братья с воодушевлением отслужили мессу, повседневные дела шли гладко, и ничто не нарушало их размеренного течения. Приор Роберт заботился о приличиях и никогда бы не позволил себе ухмыляться и радостно потирать руки, во всяком случае на людях. Он не преступил того, что освящено правилами, традициями и обычаями, зато теми привилегиями, которые ныне законно ему полагались, он не преминул воспользоваться.

В теплое время, когда работы в саду невпроворот, Кадфаэлю обычно выделяли двух помощников, ведь ему приходилось не только ухаживать за травами в своем маленьком садике, но и работать за стенами обители. За дорогой, у реки

Гайи, лежала плодородная долина, там вдоль кромки полей тянулись сады и грядки, где собирали плоды и приправы для монастырской кухни. В паводок долину заливали воды Северна, и удобренная илом почва приносила щедрый урожай. Да и внутри монастырских стен на попечении Кадфаэля был не только созданный им и собственноручно огороженный садик, где он пестовал редкие драгоценные травы, но и участок, спускавшийся по склону к Меолу – речушке, вращавшей жернова монастырской мельницы, – на котором выращивались бобы, горох и капуста.

Однако сейчас, когда незаметно подступила зима и земля готовилась погрузиться в сон, когда, зарывшись в опавшие листья и сухую траву под изгородью, готовились впасть в зимнюю спячку ежи, у него остался только один помощник, который подсоблял ему готовить отвары, катать пилюли, отжимать масло и толочь порошки. За целебными снадобьями к Кадфаэлю обращались не только братья, но и занедужившие горожане и жители предместья, а порой и крестьяне из разбросанных в округе селений. Он не обучался врачеванию, но постиг это искусство на практике, наблюдая и сопоставляя. Долгие годы он по крупицам собирал знания, и теперь многие предпочитали лечиться у него, а не у тех, кто имел официальное звание лекаря. Подручным его был брат Марк, молодой монах, которому едва минуло восемнадцать. Мальчик был сиротой, и прижимистый дядюшка отдал его в монастырь шестнадцати лет от роду, чтобы избавиться от обузы. Когда паренек поступил в обитель, он боялся раскрыть рот, дичился и отчаянно тосковал по дому. Выглядел он моложе своих лет и в страхе бросался исполнять все, что бы ему ни велели, как будто лучшее, на что он мог рассчитывать в жизни, – это избежать наказания. Однако стоило пареньку поработать несколько месяцев в саду с братом Кадфаэлем, как язык его развязался, а все страхи словно развеялись по ветру. Он не вышел ростом и все еще слегка опасался начальства, но был здоровым и крепким и с удовольствием возился на грядках. Паренек живо интересовался приготовлением снадобий, и руки его скоро приобрели необходимую для этого чуткость и сноровку. В кругу сверстников Марк обычно помалкивал, зато в саду или в сарае, наедине с Кадфаэлем, бывало, болтал без умолку. При всей своей нелюдимости именно он первым ухитрялся разузнавать все городские и монастырские сплетни, опережая других братьев. И сегодня Марк вернулся с мельницы за час до вечерни, переполненный новостями.

– Ты знаешь, что устроил приор Роберт? Взял да и перебрался жить в покои аббата! Ей-богу! А брату субприору велел с сегодняшней ночи спать в его, приора, келье. Подумать только, аббат Хериберт едва успел выехать за ворота! Вот увидишь, то ли еще будет – это цветочки!

Брат Кадфаэль и сам так думал, хотя и понимал, что не стоит ему высказывать подобные мысли и поощрять юношу к подобным разговорам.

– Будь поосторожней, когда берешься судить о вышестоящих, – мягко укорил он парнишку, – ведь ты не знаешь, как повел бы себя на их месте. В конце концов, может, Хериберт сам попросил приора перебраться на время в его покои, чтобы братья видели, что не остались без пастыря. Не зря же духовному отцу обители отводится особое помещение.

– Так-то оно так, да только приор пока еще не наш духовный отец! И если бы аббат Хериберт и вправду пожелал этого, то наверняка объявил бы о том капитулу. И уж во всяком случае сказал бы брату субприору. А тот ни о чем не знал, даже не догадывался. Я видел его лицо: он был ошарашен этим не меньше остальных. Нет, не надо было приору позволять себе такую вольность!

«Что правда, то правда», – подумал Кадфаэль, деловито растирая корни в ступке. Только вот брат Ричард, субприор, был, наверное, последним, кто мог подумать о чем-либо подобном. Большой добродушный увалень, он никогда не лез вперед, даже если имел на то законное право. А вот иные братья, помоложе и понахальнее, очень скоро смекнут, что эта перемена им на руку. Приор из своей кельи мог следить за всем, что происходило в коридоре, в который выходят спальные кельи братьев. Теперь, когда в ней разместится брат Ричард, кое-кому будет куда легче улизнуть по своим делам по черной лестнице, после того как погасят свечи. Субприор ничего не заметит, а если и заметит, шума поднимать не станет.

– Все слуги в аббатских покоях прямо кипят от злости, – не унимался Марк. – Ты же знаешь, как они преданы Хериберту, а теперь им придется служить другому, хоть формально наш аббат еще не смещен. Брат Генри, так тот сказал, что это чуть ли не святотатство. А брат Петр ходит чернее тучи, возится со своими горшками и все ворчит и грозит. Дескать, ежели приор и впрямь займет аббатские покои, так он болиголову не пожалеет, чтобы тот быстренько убрался восвояси, очистив помещение для настоящего хозяина.

Кадфаэль живо представил себе эту картину. Брат Петр давно служил у аббата поваром. Черноволосый, с горящими глазами, родился он где-то в глухомани, неподалеку от шотландской границы, и был невожатан на язык, однако его пылкие заявления мало кто принимал всерьез – может быть, до поры до

времени.

– Брат Петр частенько говорит лишнее, но ты ведь знаешь, что он и мухи не обидит. И коли он главный повар, то все равно будет готовить блюда для аббатского стола, кто бы за ним ни сидел. Это его работа, да больше он ничего и не умеет.

– Будет-то будет, да только без радости, – убежденно возразил Марк.

Спору нет, монахи были потрясены случившимся, однако порядок в стенах обители был столь отменно налажен, что всякий брат – по нраву ему это или нет – все равно неукоснительно исполнял все, что ему положено.

– Ничего, аббат Хериберт еще вернется, восстановят его в должности, – размечтался Марк, принимая желаемое за действительное, – то-то у приора глаза на лоб полезут.

Марк представил себе величественное лицо Роберта с выпученными, как у лягушки, глазами и рассмеялся. У Кадфаэля не хватило духу побранить юношу, он и сам едва сдержал смех.

Спустя неделю после отъезда аббата Хериберта, в середине дня, в сарайчик Кадфаэля наведалься попечитель лазарета брат Эдмунд, которому понадобились лекарства. Морозы стояли не сильные, однако ударили они неожиданно после теплой погоды и многих застали врасплох. Кое-кто из молодых братьев, из тех, что работали на открытом воздухе, расчихались и раскашлялись не на шутку. Четверых пришлось поместить в лазарет, где, помимо того, отлеживалось и несколько стариков – по немощи они уже не трудились, а только посещали церковные службы, мирно дожидаясь кончины.

– Этим парням всего и надо, что несколько дней побыть в тепле, и дело пойдет на лад, – заметил Кадфаэль, взбалтывая флягу и переливая из нее в маленькую склянку темную жидкость со сладковатым ароматом. – Хотя, конечно, несколько дней ни к чему маяться. Пусть они принимают это по маленькой ложке два-три раза в день, им быстро полегчает.

– А что это такое? – полюбопытствовал брат Эдмунд. Он знал многие снадобья брата Кадфаэля, но ведь тот постоянно придумывал что-нибудь новенькое. Интересно, уж не на себе ли испытывает Кадфаэль эти настои?

– Это шандра с розмарином да камнеломка. Я заварил их в льняном масле и развел в красном вишневом вине. Вот увидишь, им станет лучше – это и от кашля, и от насморка помогает. – Он бережно закупорил большую флягу и протер горлышко. – Может, тебе еще что-нибудь нужно? Старикам-то, верно, не по нутру то, что сейчас творится. Когда человеку перевалит за шестьдесят, перемены его уже не радуют.

– Такие, во всяком случае, точно не радуют, – грустно признал Эдмунд. – Многие и не подозревали, как дорог им Хериберт, пока не ощутили потерю.

– Так ты думаешь, мы его потеряли?

– Боюсь, что, скорее всего, это так. Стефан-то вряд ли затаил зло на аббата, но он во всем будет потворствовать легату, чтобы только сохранить расположение Папы. А легату, который явился сюда переустраивать церковь и наделен для того всей полнотой власти, Хериберт едва ли сумеет потрафить. Может, Стефан, осерчав, и высказывался нелестно об аббате, но решать судьбу Хериберта будет не он, а Альберик Остийский, а тот, скорее всего, сочтет, что наш добрый маленький пастырь слишком мягок по натуре для своего сана, – удрученно заключил Эдмунд и добавил: – Я бы прихватил еще горшочек с мазью, что заживляет язвы. Бедный брат Адриан – и за что ему это наказание?

– Видать, сильно его припекло, – сочувственно промолвил Кадфаэль.

– Кожа да кости, просто как скелет! Он уже и есть-то почти не может. Увядает, как лист.

– Смотри, если что, сразу посылай за мной. Я здесь не для того, чтобы бить баклуши, и всегда рад помочь. А вот и то, что тебе надо. На сей раз бальзам посильнее будет, я в него побольше богородичной травки добавил.

Брат Эдмунд спрятал склянку и горшочек в свою суму и задумался, потирая пальцами острый подбородок, не забыл ли он еще чего-нибудь.

Неожиданно от двери пахнуло холодом. Оба монаха обернулись и увидели незнакомого парня, в смущении застывшего на пороге.

- Прикрой-ка дверь, паренек! – сказал Кадфаэль, поеживаясь.

- Прошу прощения, брат, – поспешно и почтительно отозвался молодой человек. – Я подожду, пока ты освободишься. – И парень, попятившись, вышел и начал закрывать дверь.

- Нет-нет, – с веселым нетерпением воскликнул Кадфаэль, – я не это имел в виду. Заходи в тепло, а потом прикрой дверь, а то из-за этого ветра жаровня дымит. Входи, входи, я только дам, что нужно, брату Эдмунду – и займусь тобой.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы позволить сухопарому молодому человеку со смуглым худощавым лицом протиснуться внутрь. Вошедший тут же торопливо закрыл ее за собой и замер. Он не вымолвил ни слова и выглядел так, будто хотел стать невидимым, но глаза его раскрылись от любопытства и удивления при виде развешанных по стенам высушенных трав и полок, уставленных бутылками и горшками, которые заключали в себе урожай минувшего лета.

- Ах да! – припомнил брат Эдмунд. – Чуть не забыл. Брата Риса совсем доняла ломота в плечах и спине. Он прямо извелся от боли. У тебя осталось то растирание, которое прежде ему помогало?

- Найдется. Погоди, я сейчас тебе отолью, только бутылку достану.

Кадфаэль поднял с пола на скамью большую шестифунтовую бутылку и стал шарить по полкам в поисках склянки из темного стекла. Потом он осторожно откупорил бутылку и перелил в склянку темную, вязкую, маслянистую жидкость, распространявшую резкий запах. Закончив, монах снова закупорил бутылку деревянной пробкой, придерживая ее льняной тряпицей, старательно обтер горлышки обоих сосудов и бросил ветошь в маленькую тлеющую жаровню.

- Это средство хорошо действует, особенно если отыщется кто-нибудь с сильными пальцами, чтобы втереть его и как следует размять больному суставы. Но, Эдмунд, обращай с ним осторожно и ни в коем случае не подноси к губам. Это наружное средство, внутрь его принимать нельзя. И им опасно

пользоваться, если на коже есть язвы, царапины или раны. Оно ядовито.

– Такое опасное? А из чего оно сделано? – с интересом спросил Эдмунд, поднося склянку к глазам, – вязкая жидкость всколыхнулась и растеклась по стеклу.

– Это корень одного растения – его называют борец или монаший капюшон, – вываренный в смеси льняного и горчичного масел. Очень ядовитый корень: достаточно проглотить чуть-чуть – и можно отправиться к праотцам. Так что будь повнимательнее и не забывай как следует мыть руки. Но для старых больных костей это лучшее растирание, оно чудеса творит. Его надо хорошенько втереть, и сначала больной почувствует покалывание и жжение, а потом боль быстро уймется. Ну как, больше ни о чем не забыл? А хочешь, я сам пойду с тобой в лазарет. Эту мазь нужно втирать глубоко, а я в этом деле поднаторел.

– Пальцы у тебя железные, уж я-то знаю, – отозвался брат Эдмунд, пристраивая склянку в суму, – на себе испробовал. Помнишь, когда ты меня растирал, я думал, что на мне живого места не осталось, а на другой день я уже был на ногах. Да, приходи, брат Рис будет тебе рад. Память его нынче подводит, он мало кого узнает, особенно из молодых братьев, но тебя он не забыл.

– Он припомнит всякого, кто заговорит с ним по-валлийски, – промолвил Кадфаэль, – приятно ведь услышать язык своей юности. Он в детство впадает, со стариками это случается.

Брат Эдмунд взял свою суму и направился к выходу. Худощавый молодой человек отступил в сторону и услужливо распахнул дверь. Брат Эдмунд улыбнулся, поблагодарил его и вышел, а тот притворил за ним дверь.

Брат Кадфаэль посмотрел на парня, который оказался не таким уж и тощим, ростом он был на несколько дюймов выше, чем сам Кадфаэль, держался прямо, и в движениях его чувствовались проворство и настороженность лесного зверя. Ворвавшийся сквозь дверь порыв ветра растрепал густую копну светло-каштановых волос. Светлая бородка, обрамлявшая скулы, подчеркивала резкие, ястребиные черты его лица. Ярко-голубые смысленные глаза уставились на Кадфаэля.

– Ну что, приятель, чем я могу тебе услужить? – обратился к нему монах, сдвигая горшочек с огня и еще раз окидывая незнакомца взглядом. – Мы вроде бы не

знакомы, но все одно, добро пожаловать. Какое у тебя ко мне дело?

– Меня послала госпожа Бонел, – ответил молодой человек низким голосом, который был бы приятен на слух, если бы в нем не ощущалась некоторая скованность. – Говорят, что у тебя можно разжиться приправами. Брат попечитель странноприимного дома сказал, что, если у нее выйдут собственные запасы, можно будет обратиться к тебе. Мой господин сегодня переехал сюда – он будет жить в предместье в качестве гостя аббатства.

– Ах да, – кивнул Кадфаэль, припоминая подаренный аббатству манор Малийли. – Стало быть, они благополучно переехали. Ну дай Бог, чтобы остались довольны. А ты, выходит, их слуга и будешь им пищу приносить? Тебе не мешает разузнать, что тут да как у нас в обители. Ты уже побывал на аббатской кухне?

– Да, господин.

– Да какой я господин, – добродушно отозвался Кадфаэль, – называй меня братом, так оно вернее будет. А тебя как зовут, приятель? Нам ведь с тобой теперь придется встречаться, так что не худо и познакомиться.

– Эльфрик. – Молодой человек отошел от двери и стоял, озираясь по сторонам с нескрываемым интересом. Глаза его с благоговейным страхом задержались на большой бутылки с настоем монашьего капюшона. – Неужто это и впрямь такой страшный яд, что самая малость его может спровадить человека на тот свет?

– Человека многое может погубить при неумелом или неумеренном употреблении. Даже вино, если пить его сверх меры. Самая здоровая пища способна причинить вред, если предаваться чревоугодию. А что твои хозяева – довольны тем, как устроились на новом месте?

– Ну, об этом рано еще говорить, – осторожно промолвил Эльфрик.

«Интересно, сколько же ему лет, – подумал Кадфаэль. – Двадцать пять, наверное, вряд ли больше. Всего опасается, ишь ошетинился, словно ежик. Небось виллан, крепостной, – посочувствовал Эльфрику монах. – Парень, видать, сообразительный и ранимый, и если хозяин у него грубый и недалекий, несладко ему приходится».

– А сколько вас поселилось в доме?

– Мой господин, госпожа и я. И еще служанка, – коротко ответил Эльфрик и замолчал.

– Что ж, Эльфрик, можешь заходить ко мне когда вздумается. Я всегда буду рад, чем сумею, угодить твоей госпоже. Что она хотела бы получить сегодня?

– Она просила немного базилика и шалфея, если у тебя есть. Она привезла с собой снедь, чтобы разогреть к вечеру, но забыла приправы, – сообщил Эльфрик, слегка оттаивая. – Переезд дело хлопотное, за всем не уследишь.

– Ну, этому горю легко помочь – бери-ка, приятель, по пучку и шалфея, и базилика. А скажи, хорошая у тебя хозяйка?

– Хорошая, – обронил Эльфрик и умолк, как и после упоминания о служанке. Парень задумался, и мысли его, казалось, были невеселы. – Она была вдовой, когда вышла за хозяина. Он у нее второй муж, – помедлив, продолжил слуга. Эльфрик принял у Кадфаэля пучки трав, и пальцы его крепко стиснули стебельки. («Словно горло, – подумалось монаху. – Только вот чье? О хозяйке парень отозвался с симпатией».)

– Большое спасибо тебе, брат, – поблагодарил Эльфрик Кадфаэля, проворно отступил и вышел, прикрыв за собой дверь. Монах проводил его долгим задумчивым взглядом. Оставался еще час до вечерни, и можно было успеть заглянуть в лазарет, растереть брату Рису больные суставы да потешить старика столь любезными его сердцу звуками валлийской речи.

Однако Кадфаэль никак не мог избавиться от мыслей об Эльфрике. Чем можно помочь этому молодому человеку? Нелегка доля виллана, особенно если тот наделен способностями и оттого еще тяжелее переживает свое положение. А этого к тому же, похоже, гнетет какая-то тайная мука, и, видно, не одна. Кадфаэль не мог забыть, как ревниво и нехотя, сквозь стиснутые зубы, Эльфрик упомянул служанку.

Старый брат Рис сидел неподалеку от своей аккуратно застеленной постели, пристроившись поближе к огоньку, и кивал седой, с тонзурой, головой. Выглядел он довольно и горделиво, как человек, выполнивший свой долг вопреки всем

препонам. Старик важно задрал подбородок, тонкие седые брови его топорщились, а маленькие, но острые, почти бесцветные глазки лучились радостью. И было от чего: рядом с ним на табурете примостился энергичный черноволосый парень, который с видимым удовольствием хлопотал возле старца, услаждая его слух звуками валлийского языка. Ряса была спущена с костлявых плеч брата Риса, и его собеседник деловито втирал чуткими пальцами бальзам в больные суставы блаженно кряхтевшего старика.

– Вижу, что меня опередили, – шепнул Кадфаэль на ухо брату Эдмунду, столкнувшись с ним в дверях.

– Это сородич его, – тихонько отозвался тот, – валлиец с севера, откуда родом и сам брат Рис. Наверное, пришел, чтобы помочь новым гостям обители устроиться в доме у мельничного пруда. Как-то он с ними связан, вроде бы работает в городе у сына этой женщины. Ну а зайдя в обитель, не забыл справиться о старике, добрая душа. Брат Рис стал сетовать на свою ломоту, я рассказал про твоё растирание, и парень вызвался помочь. Раз уж ты здесь, поговори с ними – тебе небось тоже приятно поболтать по-валлийски.

– А ты предупредил его, чтобы он потом как следует вымыл руки?

– Само собой. Я ему показал, где можно будет помыться и куда бутылку поставить, после того как закончит. Разве мог я позволить ему рисковать, после того как ты нагнал страху рассказом об этом вареве. Так что не волнуйся: он знает, что может получиться, если не остережешься.

Увидев подходившего брата Кадфаэля, молодой валлиец почтительно приподнялся было со своего места, но монах замахал рукой:

– Нет-нет, паренек, сиди, я не хочу тебя беспокоить. Я зашел сюда перемолвиться словом со старым приятелем и помочь ему, но вижу, что ты взял на себя мою работенку и недурно с нею справляешься.

Молодой человек весело кивнул и с удвоенной энергией принялся растирать плечи старика. На вид ему было лет двадцать пять – крепыш с широким обветренным лицом. Гладковыбритые выступавшие скулы, жесткие, густые волосы и брови и решительное выражение лица выдавали в нем настоящего валлийца. Кадфаэлю понравилось, как он обращался с братом Рисом – ласково,

заботливо и чуть шутиливо, точно с ребенком. Что ж, старик и впрямь впал в детство, правда, сегодня, благодаря молодому валлийцу, выглядел гораздо бодрее.

– Ох как хорошо! – довольно проскрипел старец, поводя плечами под сильными пальцами молодого человека. – Видишь, Кадфаэль, родня-то старика не забывает. Это Меуриг – мой внучатый племянник. Он моей племяннице Ангарад сыном доводится. Я его еще вот таким крохой помню. Уж коли на то пошло, так я помню и как она родилась, дочурка моей сестры. Много лет прошло с тех пор, как я ее последний раз видел, да и тебя, дружок, тоже, – сказал старик, обращаясь уже к племяннику. – По правде говоря, ты мог бы и пораньше зайти меня проведать. Да только разве у нынешней молодежи есть родственные чувства? – ворчал разомлевший старец, не замечая сумбура своих речей. – А что же девочка-то не приехала меня навестить? Ты почему мать с собой не взял?

– Так ведь от нас до Шрусбери не ближний путь. Да у нее и по дому хлопот невпроворот, – улыбнулся Меуриг. – Но я-то теперь живу поближе, устроился в городе плотником, так что смогу бывать у тебя чаще. Я тебя на ноги поставлю – весной еще погуляешь по свежей травке.

– Племянница моя Ангарад, – промурлыкал, блаженно улыбаясь, брат Рис, – до чего чудесная малышка была и такой красавицей выросла. Сколько годков-то ей сейчас будет? Думаю, сорок пять стукнуло, а я все равно уверен, что она такая же красивая, как и прежде, и не вздумайте мне перечить. Красавиц я повидал немало, но ни одна из них ей в подметки не годилась...

– Ну уж кто-кто, а ее сын перечить тебе не станет, – добродушно усмехнулся Меуриг, а Кадфаэлю подумалось, что каждому время его юности представляется самым прекрасным: и небо было синее е, и трава зеленее, и дикие яблоки вкуснее тех, что нынче вызревают в садах. Вот уже несколько лет память стала изменять одряхлевшему брату Рису, его бессвязные воспоминания порой перемежались картинками, никогда не наблюдавшимися в действительности, разве что в его воображении. Но, может быть, присутствие молодого родича оживило его ослабевшую память? Пусть даже это продлится недолго – все равно это царский подарок.

Брат Рис продолжал что-то мурлыкать, словно довольный кот, а Меуриг, посмеиваясь, разминал крепкими пальцами немощную старческую плоть.

– Я смотрю, для тебя это дело привычное, – с одобрением заметил брат Кадфаэль.

– Я работал все больше с лошадками, а у них, как и у людей, бывают опухоли и болячки. Так и приучаешься нащупывать пальцами болезненное место.

– Зато теперь он плотник, – с гордостью заявил брат Рис, – и работает здесь, в Шрусбери.

– Мы сейчас как раз делаем аналой для вашей часовни Пресвятой Девы, – сказал Меуриг, – и, как только закончим – а это будет скоро, – я сам принесу его сюда, в аббатство, и тогда снова к тебе загляну.

– И опять разотрешь мне плечи? Скоро уж Рождество, холода подступают, а старые кости мороза не любят.

– Обязательно разотру. Но на сегодня, пожалуй, хватит, а то как бы не переборщить. Надевай-ка, дядюшка, свою рясу – вон она лежит, а то застудишься. Растирание-то жжется?

– Поначалу кусало, как крапива, а сейчас стало тепло и приятно. И боль совсем унялась. Вот только я притомился... – Старика и впрямь клонило в сон, что было неудивительно после такой нагрузки и для головы, и для тела.

– Вот и хорошо. Сейчас тебе лучше всего лечь и поспать. Правда ведь, брат? – Меуриг посмотрел на Кадфаэля, ища поддержки.

– Конечно. После такого лечения требуется хороший отдых.

Старик не возражал против того, чтобы его уложили в постель: сон уже почти одолел его. Заплетающимся языком он что-то пробормотал на прощание Кадфаэлю и Меуригу, но затих, не успели те дойти до двери. Последнее, что они услышали, было: «Передай от меня привет своей матушке, Меуриг. И попроси ее проведать меня... когда повезет шерсть на рынок, в Шрусбери. До чего же хочется снова с ней повидаться...»

Кадфаэль проследил за тем, чтобы Меуриг тщательно вымыл руки, как ему было велено, а потом сказал:

– Твоя матушка у него из головы не идет. Есть у него надежда с ней повидаться?

Пока Меуриг скреб и оттирал руки, Кадфаэль внимательно рассматривал его: снисходительная веселость, с которой валлиец ухаживал за стариком, сменилась задумчивостью.

– Не на этом свете, – помедлив, отозвался Меуриг. Он взял из рук монаха грубое полотенце и взглянул Кадфаэлю прямо в глаза: – Моя мать умерла на Михайлов день, одиннадцать лет тому назад. Он знает об этом не хуже меня, вернее, знал. Но коли уж у него с памятью неладно и она для него жива, с чего бы я стал его разубеждать? По мне, так пусть тешится любой выдумкой, если это приносит ему радость.

– Бог тебе в помощь! – промолвил Кадфаэль на прощанье. – Сегодня ты подарил старику воспоминание о юности. Старейшины твоего рода могут гордиться такими сыновьями.

– Моя родня, – отозвался Меуриг, пристально глядя на монаха черными глазами, – это родня моей матушки. Мой отец не валлиец.

Они вышли на большой двор и расстались. Меуриг быстрыми шагами направился к сторожке, а Кадфаэль двинулся к церкви: колокол уже звонил, созывая к вечерне, до которой оставалось всего несколько минут.

По дороге монах, которого этот молодой человек заинтересовал не меньше, чем виллан Эльфрик, размышлял над последними словами Меурига, однако, войдя в храм, выбросил эти мысли из головы. В конце концов, люди сами за себя отвечают, не его это дело.

Глава вторая

Только в середине декабря неулыбчивый Эльфрик снова явился к Кадфаэлю за приправами для своей госпожи. К тому времени он успел примелькаться на монастырском дворе: целыми днями Эльфрик сновал туда-сюда, и в суете будней на него перестали обращать внимание, тем паче что в разговоры он никогда не вступал. Кадфаэлю случалось видеть, как по утрам он заходит в пекарню и кладовую за дневной порцией хлеба и эля – молчаливый, сосредоточенный, с непроницаемым лицом. Эльфрик всегда спешил, словно боялся, что если он где-нибудь задержится, то непременно получит нагоняй. Так, наверное, оно и было. Брат Марк, которому показалось, что молодой виллан, по-видимому, так же одинок и несчастен, как некогда он сам, пытался завязать с ним разговор, но не слишком в этом преуспел.

– Хотя порой он немного оттаивает, – рассказывал Марк, сидя на лавке в сарайчике Кадфаэля, болтая ногами и помешивая мазь – Наверяд ли он такой уж нелюдим – видно, у него камень на сердце. Теперь, когда я с ним здороваюсь, он, бывает, и улыбнется в ответ, но никогда не остановится, чтобы поговорить.

– Так ему же работать надо, – пояснил Кадфаэль, – наверное, его хозяину нелегко угодить.

– Я слышал, что, с тех пор как они переехали, он чувствует себя неважно, – заметил Марк, – я хозяина имею в виду. Вроде бы и не захворал, а все ему немило, даже аппетит потерял.

– Такое, – согласился Кадфаэль, – могло бы приключиться и со мной, если бы у меня не осталось другого дела, кроме как сидеть дома, хандрить да размышлять, уж не совершил ли я глупость, расставшись на старости лет со своей землей. Бывает, что мечтаешь о жизни без забот и хлопот, а на поверку оказывается, радости в ней мало.

– Там у них еще девушка есть в услужении, – сообщил Марк, – и прехорошенькая. Ты ее видел?

– Нет, не видел. И тебе, паренек, при виде женщины следовало бы опускать очи долу. Так, говоришь, хорошенькая?

– И даже очень. Не слишком высокая, кругленькая, личико белое, волосы золотистые, густые, а глаза черные. Представляешь, как это красиво:

золотистые волосы и черные глаза. Вчера она приходила на конюшню с каким-то поручением для Эльфрика. Так ты бы видел, как он потом смотрел ей вслед. Может быть, это из-за нее он такой смурной.

«Вполне возможно, – подумал Кадфаэль. – Разве свободная девушка обратит внимание на жалкого виллана? А здесь, в аббатстве, они живут бок о бок, вместе хлопочут по дому и видятся гораздо чаще, чем в Малийли».

Вслух же, обращаясь к Марку, он сказал:

– Смотри, как бы у тебя самого из-за нее неприятностей не было. Не ровен час, брат Жером или приор Роберт углядят, как ты на нее таращишься. Если уж задумал поглазеть на красивую девицу, так делай это украдкой. Не забывай, что нынче у нас не то, что при Хериберте.

– О, я очень осторожен! – улыбнулся Марк.

Похоже, предостережение Кадфаэля парнишку ничуть не напугало. Да и то сказать, от кого, как не от своего старшего товарища, почерпнул он некоторые, не вполне ортодоксальные, представления о том, что позволительно, а что нет? Сам Кадфаэль не испытывал особых сомнений насчет приверженности Марка избранной духовной стезе. Конечно, если бы не смутные времена, было бы не худо отправить паренька в Оксфорд, на учение. Но даже если такой случай и не представится, Марк все равно кончит тем, что примет сан и станет священником, причем хорошим священником, который понимает, что Господь не напрасно сотворил женщин. И хотя в обитель Марк попал не по своей воле, здесь он нашел свое истинное призвание. Не каждому в жизни так везет.

Стоял пасмурный день, когда Эльфрик заглянул в сарай и попросил у Кадфаэля немного сушеной мяты.

– Хозяйка хочет приготовить для господина мятный напиток, – пояснил он, – это от сердца помогает.

– Говорят, твоему господину нездоровится и он в скверном расположении духа, – сказал Кадфаэль, шурша льняными мешочками с травами, распространившими

пряное благоухание.

Эльфрик с удовольствием вдохнул сладкий аромат – даже в неяром свете видно было, как смягчилось его обычно настороженное лицо.

– Телесными-то недугами он не страдает, это у него скорее от дурного настроения. Возьмет себя в руки – и все с ним будет в порядке. С родней у него нелады, – сообщил Эльфрик, проникаясь к монаху неожиданным доверием.

– Небось всем вам нелегко приходится, даже хозяйке, – промолвил Кадфаэль.

– Она делает все, что положено доброй жене, и ему не в чем ее упрекнуть, но он в разладе со всеми, даже с самим собой. Он все ждал, что сын к нему вернется, повинится и получит свое наследство, а тот и не подумал – вот господин и серчает.

Кадфаэль удивленно обернулся к нему:

– Ты хочешь сказать, что он передал свой манор аббатству в обход этого юноши? Но по закону он не мог этого сделать. Ни один монастырь не принял бы такого вклада без согласия наследника.

Эльфрик покачал головой и пожал плечами:

– Это не родной его сын. Он сын его жены, от ее первого брака, и потому не может претендовать на наследство. Правда, господин составил было завещание, в котором объявил его наследником, но нынешнее соглашение с аббатством свело это завещание на нет или сведет, когда грамота будет скреплена печатью и заверена подписями свидетелей. Так что по закону паренек ни на что рассчитывать не может. Рассорился с отчимом и теперь останется без обещанного манора – вот и весь сказ.

– Да чем же он заслужил такую немилость? – спросил Кадфаэль.

В ответ Эльфрик неодобрительно поежился. Он казался худощавым, но Кадфаэль заметил, что плечи у него широкие и крепкие.

– Паренек молод да своеволен, а господин мой стар и раздражителен, не привык, чтобы ему перечили. Ну и мальчонка ему под стать, коли упрется – с места его не сдвинешь.

– И что же с ним нынче случилось? Я слышал, что вы в доме вчетвером живете.

– Ну, малец кланяться не станет, все одно что мой господин. Он удрал из дому и теперь живет с семьей своей замужней сестры да учится там ремеслу. До последнего времени господин все надеялся, что тот прибежит поджав хвост, да только зря. И не дождетсЯ он этого, помяни мое слово.

Кадфаэль подумал, что из-за всей этой истории больше всех страдает мать лишеного наследства юноши, и посочувствовал женщине, которой приходится разрываться между двумя близкими людьми. А старик, может быть, уже и жалеет, что в сердцах принял такое решение. Монах вздохнул и вручил Эльфрику пучок мяты: высушенные на летнем солнышке стебельки не утратили ни своей формы, ни цвета и оставались зелеными, почти как свежая мята.

– Твоей хозяйке надо будет самой их измельчить. Когда траву сушишь целиком, лучше сохраняется аромат. Если ей еще потребуется, дай мне знать, и я для нее накрошу, но сейчас не стоит заставлять ее ждать. Может, твоей хозяйке удастся потрафить мужу, а это и ему, и ей будет на пользу. И тебе, кстати, тоже – добавил Кадфаэль и легонько похлопал Эльфрика по плечу.

Худощавое лицо парня дрогнуло, и по нему как будто скользнула улыбка, но улыбка горестная и безнадежная.

– Вечно вилланы – козлы отпущения, – неожиданно вырвалось у него. Торопливо поблагодарив монаха, Эльфрик устремился к выходу.

С приближением Рождества многие шрусберийские купцы и владельцы окрестных маноров начали вспоминать о душее и, дабы замолить грехи и показать себя добрыми христианами, не входя в большие расходы, делали обители скромные подношения. Оттого-то под Рождество обычно скудный монашеский стол скрашивали редкие лакомства – мясо и дичь. Братьям перепали и медовые пироги, и сушеные фрукты, и цыплята, а то и олений окорок. Благодаря этому святой праздник превращался чуть ли не в пиршество,

и монахи не видели в этом большого греха.

Иные миряне отсылали пожертвования только аббату и приору, видимо полагая, что их молитвы доходчивее молений простых братьев. Потому-то и случилось так, что некий рыцарь с юга Шропшира, который и слыхом не слыхивал о том, что Хериберта вызвали в Лондон и, возможно, сместят, послал в подарок аббату превосходную упитанную куропатку. Дар, предназначавшийся аббату, естественно, оказался в аббатских покоях; приор Роберт с удовольствием принял подношение и велел отнести на кухню и приготовить дичь на обед.

Брат Петр, который злился на приора из-за аббата Хериберта, окинул прекрасную птицу сердитым взглядом и на какой-то момент вполне серьезно задумался о том, что стоило бы испортить это блюдо: пережарить или подать с таким соусом, что и в рот не возьмешь. Однако поварское искусство было для него делом чести – поступить так он, разумеется, не мог. Петр не нашел лучшего способа насолить приору, как приготовить из птицы самое изысканное блюдо, какое только знал, – в соусе из красного вина, сделанном по его собственному рецепту. Блюдо это готовилось очень долго, сам Петр его очень любил, но тешил себя надеждой, что приору оно придется не по вкусу.

Между тем приор пребывал в отличном настроении: он был доволен тем, что возглавляет обитель, и, не сомневаясь в том, что в ближайшем будущем сделается аббатом, уже предвкушал те выгоды, которые извлечет управляемая им обитель из обладания манором Малийли. Роберт ознакомился с докладом управляющего и, узнав, что имение находится в цветущем состоянии, решил, что Гервас Бонел не иначе как лишился ума, если отказался от таких земель в обмен на дом и припасы с монастырской кухни. Да и долго ли сможет он этим пользоваться? Ему ведь уже за шестьдесят. Приору подумалось, что побольше внимания к Бонелу не будет слишком высокой ценой за подобный вклад. Брат Жером, который первым выведывал все, что творилось в обители и за ее стенами, доложил Роберту, что мастер Бонел слегка занедужил и потерял аппетит. Пожалуй, счел приор, надо оказать ему любезность и послать лакомое блюдо с аббатского стола. Благо есть такая возможность – куропатка большая и упитанная.

Брат Петр любовно поливал тушку густым винным соусом, добавляя по щепотке розмарин и руту, когда на кухне появился приор Роберт – царственно величественный и суровый, как сам Папа. Возвышаясь над кухонным горшком, он вдохнул дразнящий запах, и алебастровые его ноздри затрепетали. Он

окинул блюдо якобы безразличным взором и нашел вид его столь же пленительным, как и аромат. Брат Петр опустил глаза, чтобы скрыть досаду, ясно читавшуюся на его лице, и с удвоенным усердием принялся колдовать над блюдом, надеясь, что приор не обладает столь утонченным вкусом, чтобы до конца оценить это лакомство. Пустая надежда – Роберт был настолько зачарован чудесным запахом, что едва было не отказался от своего великодушного намерения, однако все же решил, что манор Малийли стоил такой жертвы.

– До меня дошел слух, – произнес приор, – что наш гость, поселившийся в доме у мельничного ручья, захворал и лишился аппетита. Отрежь кусочек от этой птицы, брат Петр, и пошли его больному вместе с моими наилучшими пожеланиями, в дополнение к обычному обеду. Очисти блюдо от костей и отправь ему в одном из моих судков. Может быть, это его соблазнит, раз беднягу не тянет к повседневной пище, к тому же знак внимания будет ему приятен. – Роберт даже снизошел до того, что заметил, и вполне искренне: – Пахнет превосходно.

– Стараюсь, – выдавил из себя брат Петр, уже жалея о том, что приложил столько усердия.

– Как все мы, – строго заявил приор Роберт, – ибо таков наш долг. – И с этими словами он вышел – так же, как и вошел, в прекрасном настроении, довольный и собой, и тем, как складываются дела.

Брат Петр проводил его сердитым взглядом из-под насупленных бровей и сорвал свое раздражение на двух поварятах, выбравив их за то, что они вечно суют нос куда не следует, вместо того чтобы живо выполнять то, что им велено. Однако брат Петр не мог послушаться приора – он поступил так, как ему было сказано, но при этом проследил за тем, чтобы Бонелу достался самый лучший кусок, обильно сдобренный соусом.

– Аппетит потерял, надо же, – пробурчал повар, сняв последнюю пробу, вполне удовлетворенный собственным искусством. – Да такое блюдо хоть кого со смертного одра поднимет, он все уплетет, до последнего кусочка!

По дороге в трапезную брат Кадфаэль заметил Эльфрика, который, выйдя из аббатской кухни, быстрым шагом направлялся к воротам. Он нес деревянный

поднос с высоким ободом, уставленный закрытыми судками. Гостей обители обычно кормили посытнее, чем братьев, но мяса и им перепало немного, причем в это время года в основном в виде солонины.

Судя по запаху, исходившему от подноса, это и была солонина, отваренная с бобами и луком. Но в центре подноса находился маленький судок, источавший куда более аппетитный аромат. Очевидно, новому гостю послали лакомство, не дожидаясь праздника. Эльфрик сосредоточенно тащил довольно тяжелый поднос, стараясь поскорее поспеть к дому у мельничного пруда. Идти ему было не так уж далеко: сразу за воротами свернуть налево, пройти немного вдоль монастырской стены, потом мимо пруда – а там и дом, куда он спешил. Дальше, за мостом через Северн, высились стены и городские ворота Шрусбери. Недалеко-то недалеко, но в декабре и этого может оказаться достаточно, чтобы еда остыла. Впрочем, хотя домочадцам Бонела и не приходится теперь много готовить, очаг у них, понятное дело, есть, и горшков да сковород в хозяйстве хватает, ну а дровами их снабжает обитель.

Кадфаэль вошел в трапезную и получил на обед, как и ожидал, вареную солонину с бобами. Здесь никаким лакомством и не пахло. Благословлял трапезу брат Ричард, субприор. Приор обедал в одиночестве, в аббатских покоях, которые уже считал своими. Куропатка оказалась выше всяких похвал.

Отобедав, братья прочли благодарственную молитву и уже поднимались из-за столов, когда дверь распахнулась прямо перед носом у собравшегося выходить брата Ричарда и в трапезную ввалился служка из сторожки привратника, выкликая имя брата Эдмунда. Он запыхался и не мог вразумительно объяснить, в чем дело.

– Мастер Бонел... его служанка прибежала за помощью... – Служка перевел дыхание и продолжал уже более связно: – Мастеру Бонелу плохо, он при смерти. Его жена просит поскорее прислать кого-нибудь на помощь.

Брат Эдмунд схватил служку за руку и спросил:

– Что с ним стряслось? У него припадок? Бьется в конвульсиях?

– Нет, судя по тому, что сказала служанка, тут другое. Он пообедал и чувствовал себя нормально, но примерно через четверть часа у него закололо в горле и

потянуло на рвоту, но так и не вырвало, а потом губы и шея словно окостенели... Она так говорила!

«Толковая девушка, ничего не упустила», – успел подумать Кадфаэль, торопливо направляясь к двери и бросив на ходу Эдмунду:

– Иди вперед, а я забегу к себе в сарай и прихвачу кое-какие снадобья. Они могут нам пригодиться.

Кадфаэль поспешил к сараю, а Эдмунд со служкой бегом устремились к сторожке, где дожидалась их перепуганная девушка.

Колотье и жжение в горле и во рту, прикидывал по пути Кадфаэль, а потом тошнота, но очистить желудок он так и не смог: горло онемело. А с тех пор, как он ел, прошло четверть часа, теперь уже больше. Может быть, уже поздно давать ему горчицу, но попробовать все же стоит. Конечно, мало ли от чего человека тошнота одолеет, но вот жжение в горле, а потом и окостенение... Кадфаэлю уже пришлось видеть такое, и тогда это едва не закончилось смертью. И он хорошо знал, что могло послужить этому причиной. Монах торопливо нашарил на полке нужные склянки и побежал к сторожке.

Несмотря на то что стоял холодный декабрьский день, дверь дома у мельничного пруда была открыта, и, хотя изнутри доносились лишь приглушенные голоса, в воздухе, казалось, повисли смятение и тревога. Кадфаэлю был знаком этот дом, с тремя комнатами, кухней и маленьким садиком, спускавшимся к пруду. Монах побывал здесь, когда в доме жили другие люди, но к ним он приходил не по такому спешному делу. Дверь кухни выходила на север, в сторону реки, откуда открывался вид на Шрусбери, и в пасмурный зимний денек света в помещении было немного, хотя было открыто кухонное окошко, выходившее на юг. Окно на кухне всегда открывают – и для того, чтобы было побольше света, и для того, чтобы выпускать чад от жаровни. Рябь от налетевшего ветерка пробежала по воде: дом стоял гораздо выше пруда, а по склону тянулась узкая полоска сада.

На пороге стояла женщина, которая с нетерпением его поджидала, сцепленные на груди руки дрожали, из-за спины ее доносился гул растерянных голосов. При виде монаха женщина устремилась ему навстречу, и он смог разглядеть ее получше. Она была примерно тех же лет, что и он, и такого же роста, в скромном

и опрятном платье, с высоко уложенными темными косами, в которых проблескивали серебристые нити. На овальном лице почти не было морщин, если не считать «гусиных лапок» в уголках карих глаз, которые свидетельствовали о веселом и добродушном нраве, так же как и полные, красивые губы. Увы, сейчас ей было не до веселья. Она была очень хороша, она была прекрасна и не утратила своей привлекательности за долгие сорок два года. Он узнал ее сразу.

Да, Кадфаэль знал ее прежде. Правда, тогда им было по семнадцать и они считали себя обрученными, хотя и держали это в тайне. Возможно, если бы ее семья прослышала об этом, им бы досталось на орехи. Но он стал крестоносцем, уплыл в Святую землю и больше ее не видел, хотя клялся девушке вернуться и назвать ее своей женой; он забыл о своих обещаниях, захваченный полной риска и приключений жизнью моряка и солдата. Слишком долго откладывал он свое возвращение, и она, тоже клявшаяся ему в любви и верности, в конце концов устала ждать и, поддавшись увещеваниям родителей, вышла замуж за более надежного человека, в чем трудно было ее упрекнуть. Кадфаэль надеялся, что она была счастлива. Но он никак не ожидал увидеть ее здесь. Он знал, что она вышла замуж, но не за Бонела, владельца манора, а за честного ремесленника из Шрусбери. Объяснить себе этого противоречия Кадфаэль не мог, но времени размышлять у него не было.

И все же он узнал ее сразу. Надо же, сорок два года прошло, а он узнал ее! Оказывается, он многое помнил. Ее легкий, нетерпеливый поклон, поворот головы, манеру укладывать волосы и, прежде всего, ее глаза – большие, темные как ночь, лучащиеся ясным светом.

А вот она – благодарение Богу – в этот момент его не узнала. Да, надо полагать, он изменился гораздо больше, ведь он повидал половину мира, оставшуюся для нее неведомой, и годы странствий наложили на него свой отпечаток. Женщина увидела перед собой просто монаха, который, как говорили, разбирается в травах и снадобьях и пришел помочь сраженному недугом человеку.

– Сюда, сюда, брат! Он здесь. Брат Эдмунд уложил его в постель. Прошу тебя, помоги ему!

– Если сумею и если будет на то Господня воля, – отозвался Кадфаэль и прошел мимо нее в следующую комнату. Женщина поспешила следом за ним. Посреди большой комнаты стоял стол, по которому в беспорядке были разбросаны

остатки трапезы. Не похоже было, что ее прервал приступ болезни. Говорили же, что, съев свой обед, Бонел сначала чувствовал себя хорошо, а здесь повсюду, и на столе, и на полу, валялись черепки и осколки битой посуды. Однако хозяйка настойчиво подтолкнула монаха к спальне.

Брат Эдмунд поднялся со скамьи, стоявшей рядом с кроватью. Он сделал для больного что мог: уложил в постель и укрыл потеплее – это все, что было в его силах. Кадфаэль подошел поближе и присмотрелся к Гервасу Бонелу. Это был крупный, плотный мужчина с густой шапкой седеющих каштановых волос и короткой бородкой, которая сейчас была покрыта капельками слюны, стекавшей из уголков оцепеневшего, полуоткрытого рта. Лицо посинело, глаза были выпучены, зрачки расширены. Правильные черты его лица исказились, напоминая посмертную маску. Дышал Бонел прерывисто и с трудом. Кадфаэль нащупал пульс: он был медленным и неровным. Горло отвердело.

– Принесите миску, – скомандовал Кадфаэль, опускаясь на колени, – да вбейте в нее пару яичных белков и взболтайте с молоком. Попробую дать ему рвотное, только боюсь, не поздно ли, как бы не пошло ему во вред.

Он не поднял головы, чтобы посмотреть, кто бросился выполнять его указание, но кто-то, конечно, это сделал. Только сейчас Кадфаэль заметил, что помимо брата Эдмунда, госпожи Бонел и самого больного в комнате было еще трое. Эльфрик и служанка, само собой, а вот третьего он узнал, лишь когда тот нагнулся, чтобы поднести деревянную миску поближе к лицу недужного. Кадфаэль на миг поднял глаза – и увидел испуганное и сосредоточенное лицо молодого валлийца Меурига, внучатого племянника брата Риса.

– Хорошо, – кивнул монах, – а ты, Эдмунд, подложи ему ладонь под затылок, чтобы голова не дергалась.

Кадфаэль стал тонкой струйкой вливать в рот больного горчичную рвотную микстуру, но горло онемело и глотать несчастный не мог – большая часть жидкости выливалась обратно на бороду и в миску. От волнения дрожали и руки брата Эдмунда, поддерживавшие голову Бонела, и руки Меурига, державшего миску. Неожиданно по телу больного пробежала судорога, и пульс, и без того слабый, стал едва уловимым. Действительно, давать Гервасу Бонелу рвотное было слишком поздно. Кадфаэль поднялся и подождал, пока стихнет конвульсия. Он опасался, что своими действиями ускорит его кончину.

– Дайте мне молока с яйцами. – Теперь он начал вливать в открытый рот больного новое снадобье – очень медленно и маленькими порциями, чтобы не вызвать новой конвульсии. Он надеялся, что яичная пленка, покрыв поверхность онемевшего пищевода, смягчит ее и несчастному станет легче. С ложечки вливал он каплю за каплей, а все вокруг затаили дыхание в тревожном ожидании.

Полное тело Бонела вдруг как будто съежилось и опало, пульс прервался, и глаза затянулись пленкой. Он больше не дышал.

Брат Кадфаэль положил ложечку в миску с молоком и отступил назад. Он окинул взглядом потрясенные, растерянные лица и впервые ясно разглядел всех собравшихся в комнате: Меурига, руки которого по-прежнему тряслись, сжимая миску; побледневшего Эльфрика, мрачно смотревшего на постель через плечо брата Эдмунда; девушку, и вправду очень хорошенькую, – тут брат Марк оказался прав, – с золотистыми волосами и черными глазами (от ужаса она не могла даже плакать и прижимала к губам маленькие кулачки), и госпожу Бонел – ту, что некогда была Ричильдис Воган, – лицо ее было белым как мрамор, она неотрывно глядела на тело своего мужа, и слезы подступали к ее глазам.

– Ему уже не поможешь, – промолвил брат Кадфаэль, – он покинул нас!

Все вздрогнули, словно по комнате пробежал порыв ветра. По щекам вдовы заструились слезы, но она, казалось, была слишком ошеломлена случившимся и не замечала их. Брат Эдмунд коснулся руки женщины и сказал участливо:

– Мне очень жаль, как и всем нам. Вам сейчас потребуется помощь, но наша обитель готова взять на себя печальные хлопоты. Мы положим его в часовне, а тем временем подготовим все к погребению. Я распоряжусь...

– Нет, – прервал его Кадфаэль, – нет, Эдмунд, этого пока делать нельзя. Не так тут все просто. Бонел был отравлен – в то, что он ел на обед, подмешали яду. В этом надо разобраться шерифу, а мы не должны ничего трогать, пока его люди здесь все не осмотрят.

Воцарившееся молчание первым нарушил Эльфрик.

– Но как же так? – хрипло произнес он. – Не может этого быть! Будь что-то подмешано в пищу, мы бы все отравились. Мы ели то же, что и он.

– Это правда! – всхлипывая, подтвердила вдова.

– Кроме того маленького блюда, – негромко, но решительно заявила служанка и покраснела, смутившись, что привлекла к себе внимание, но тем не менее продолжала: – Того, что прислал господину приор.

– Но ведь это же блюдо со стола приора, – испуганно вымолвил Эльфрик. – Брат Петр сам говорил, что ему было велено отрезать кусочек и послать моему господину для аппетита, с наилучшими пожеланиями от приора.

Брат Эдмунд и брат Кадфаэль обменялись быстрыми взглядами, и каждый прочел в глазах другого ужаснувшую его мысль.

– Я пойду к приору, – поспешно сказал Эдмунд. – Молю Всевышнего, чтобы с ним ничего не стряслось! Господи, спаси и помилуй! Я передам, чтобы обо всем известили шерифа. Брат, оставайся здесь до моего возвращения и проследи, чтобы ничего не трогали.

– Так я и сделаю, – хмуро отозвался Кадфаэль.

Как только торопливое шлепанье сандалий брата Эдмунда стихло на дороге, Кадфаэль попросил потрясенных несчастьем домочадцев перейти в другую комнату, подальше от спальни, где разыгралась ужасная сцена. Воздух спальни был пропитан запахом смертного пота, смешавшимся с запахами лекарств. Но витал там и еще один запах, слабый, но устойчивый, – Кадфаэль чувствовал, что сможет определить его, надо только сосредоточиться и подумать.

– Случившемуся не поможешь, – печально промолвил монах, – и мы сейчас не вправе ничего делать без разрешения властей, ибо такая кончина требует объяснения. Но нет нужды оставаться здесь, это только добавит скорби. Вам всем лучше бы выйти, присесть и успокоиться. Дитя, – он посмотрел на служанку, – найдется у тебя кувшинчик с вином или элем? Налей-ка своей хозяйке, да и сама тоже выпей – это вас поддержит. Вы под опекой аббатства, и оно не покинет вас в горе.

В растерянном молчании все вышли из комнаты. Один только Эльфрик беспомощно оглядел оставленный в беспорядке стол, валявшиеся повсюду осколки посуды и, видимо вспомнив о своих обязанностях, дрожащим голосом спросил:

– Разве я не должен прибраться здесь?

– Нет, пока ничего не трогай. Садись, парень, и постарайся успокоиться. Людям шерифа надо увидеть все как есть, и только после этого можно будет наводить порядок.

Монах вернулся в спальню, прикрыв за собой дверь. Заинтересовавший его запах уже почти не ощущался, заглушенный зловонием. Кадфаэль склонился к вывернутым губам мертвеца: от них исходил тот же самый запах. Нос у Кадфаэля с виду был неказист, зато нюх – острый, как у оленя.

Оставаться у смертного одра не имело больше смысла: он узнал все, что можно было узнать. Вернувшись в другую комнату, Кадфаэль увидел несчастную вдову – она сидела сцепив руки на коленях, качала головой, словно не веря случившемуся, и повторяла: «Этого не может быть! Этого не может быть!» Девушка сидела рядом. Глаза ее были сухи, но она обнимала хозяйку за плечи с такой нежностью, что в этом виделось нечто большее, чем преданность служанки.

Оба молодых человека ходили из угла в угол, не находя себе места. Кадфаэль встал позади них, в тени, и принялся внимательно разглядывать обеденный стол. Стол был накрыт на троих, причем два кубка стояли, а третий, судя по всему принадлежавший хозяину, ибо с той стороны у стола находился не простой табурет, а кресло с подлокотниками, был опрокинут, и эль пролился. Видимо, Бонел уронил его, когда, почувствовав себя плохо, попытался встать. В центре стояло большое блюдо, с которого раскладывали пищу, остатки обеда на нем уже застыли. Еда на одной из деревянных тарелок была почти не тронута, на двух других было съедено почти все. Пять человек – нет, очевидно, шесть – отведали этой пищи и остались невредимы, все, кроме одного. И тут взгляд Кадфаэля упал на маленький судок – тот самый, что нес на подносе Эльфрик, проходя по монастырскому двору. На донышке виднелись лишь следы соуса, – похоже, подарок приора Роберта пришелся Бонелу по вкусу.

– А кроме мастера Бонела, никто из вас не пробовал это блюдо? – спросил Кадфаэль, склонившись к судку и осторожно принюхиваясь.

– Нет, – дрожащим голосом промолвила вдова, – ведь оно было послано лично ему как знак внимания.

Итак, он съел его без остатка и в результате расстался с жизнью.

– Ну а вы – Меуриг, Эльфрик и ты, дитя, – я еще не знаю, как тебя звать...

– Олдит, – отозвалась девушка.

– И ты, Олдит. Вы трое ели на кухне?

– Да, я всегда нахожусь там во время обеда. Пока хозяева едят одно блюдо, я подогреваю другое, ну а заодно и сама поем. И Эльфрик тоже всегда ест на кухне, а когда в гости приходит Меуриг, – девушка секунду помедлила и слегка зарделась, – я обедаю вместе с ним.

Теперь ясно, откуда ветер дует, смекнул монах, ну, тут нечего удивляться, она и впрямь хороша.

Кадфаэль прошел на кухню. Девушка была не только привлекательной, но к тому же опрятной и трудолюбивой: вся кухонная утварь содержалась в безупречном порядке и сияла чистотой. Над жаровней была укреплена специальная полка, служившая для подогревания пищи. Там, без сомнения, и стоял маленький судок до тех пор, пока его не отнесли Бонелу. К стене были придвинуты две лавки – так, чтобы и к теплу поближе, и проходу не мешать. На полке под открытым окном лежали три использованные деревянные тарелки.

В комнате за спиной Кадфаэля царило тягостное молчание: все были полны страха и недобрых предчувствий. Монах вышел в открытую кухонную дверь и выглянул наружу.

Слава Богу, о приоре можно было не беспокоиться: Роберт самолично приближался к дому Бонела; чувство собственного достоинства не позволяло ему бежать, но длинные ноги его ступали так размашисто, что брат Эдмунд едва

поспевал за ним, хотя и двигался торопливой рысцой. Ряса приора развевалась, а его надменное лицо выражало крайнее неудовольствие и тревогу.

– Я послал человека в Шрусбери, – объявил Роберт собравшимся, – дабы известить шерифа о случившемся, ибо, как мне сказали, этот человек умер не естественной смертью, а был отравлен. Безусловно, это страшное преступление затрагивает и нашу обитель, но поскольку оно произошло вне монастырских стен, то и не подлежит ведению аббатского суда. – Похоже, приор и этому был рад, и его можно было понять! – А посему расследовать это дело вправе только светские власти. Нам же надлежит во всем им содействовать, ибо это наш долг.

Он сочувственно склонился к вдове и произнес подобающие слова соболезнования, а также заверил ее в том, что обитель возьмет на себя заботы о похоронах. Однако держался Роберт все это время с видом человека, которому нанесли смертельную обиду. И надо же случиться такому именно теперь, когда он вступил в управление аббатством! А тут еще и этот злосчастный подарок. Следует устроить бедняге пристойные похороны и подыскать ему укромное местечко неподалеку от церкви, и пусть этой историей занимается шериф, как ему и положено, лишь бы удалось замять ее поскорее. С трудом пересиливая отвращение, Роберт остановился в дверях спальни и, торопливо пробормотав молитву, поспешил уйти. В душе он винил за постигшее его испытание каждого из присутствовавших, но более всего – брата Кадфаэля: и зачем тот только ляпнул, что Бонел отравлен?! Теперь аббатству придется выяснять обстоятельства этого дела. К тому же соглашение с Бонелом так и не было утверждено. Приор опасался, что Малийли может уплыть у него из рук. Интересно, кому после смерти Бонела достанется этот жирный кусок, коль скоро договор с обителью так и не вступил в силу? Может быть, удастся уговорить наследника подтвердить решение покойного и заручиться его согласием прежде, чем тот успеет сообразить, от чего отказывается?

– Брат, – промолвил Роберт, глядя сверху вниз на Кадфаэля, который был ниже приора на целую голову, – ты заявил, что Бонела отравили, но, прежде чем сообщать это людям шерифа, я хотел бы услышать, на каком основании ты выносишь столь уверенное суждение. Разве не мог несчастный нечаянно проглотить что-то вредное? А бывает и так, что неожиданный недуг уносит в могилу человека, казавшегося вполне здоровым. Что же навело тебя на мысль о преступлении?

– Характер недомогания, – отвечал Кадфаэль. – У него жгло и щипало губы, небо и горло, потом горло онемело, так что он не мог не только глотать, но и свободно дышать. Глаза вылезли из орбит, все тело оцепенело, а сердце еле билось. Я уже видел такое раньше, и тогда я точно знал, что проглотил тот человек. Да может, и ты, отец приор, припомнишь: несколько лет назад, во время ярмарки, пьяный возчик забрел в мой сарай да и приложился к бутылки, думая, что там хмельное. Тогда я сумел спасти его – времени прошло немного, и яд не успел подействовать. Ну а к мастеру Бонелу я не поспел. Но признаки те же, я их сразу узнал, и потому мне ясно, какой яд был использован. А кроме того, этот яд имеет особый запах, и именно так пахло изо рта покойного, а еще этот запах имеют остатки того самого блюда, которое ты ему прислал.

Если приор Роберт не побледнел при мысли о том, к каким выводам все это запросто может привести, то лишь потому, что лицо его и так было белее мела. Но надо отдать ему должное: он был человеком не робкого десятка и потому спросил напрямик:

– Ну коли уж ты так уверен, то скажи, что это за яд?

– Это растирание, которое я приготовил от ломоты в костях и суставах. Основной запас хранится у меня в кладовой, но я знаю и еще одно место, где можно было раздобыть это снадобье, – наш лазарет. Яд получают из корня растения, которое называют монашьям капюшоном, из-за формы цветка, а порой его кличут волчьей отравой. Растирание из этого корня отлично утоляет боль, но не приведи Господи его проглотить.

– Но если ты умеешь готовить снадобья из этого растения, – холодно и неприязненно произнес Роберт, – то это, безусловно, может и кто-то другой. Вовсе не обязательно, что яд попал сюда из нашей обители, разве не так?

– Иное маловероятно, – уверенно заявил Кадфаэль. – Уж то, что я сам готовил, я смогу определить по запаху. Это мой состав – здесь и порей, и горчица, не один монашьям капюшон, – я сразу узнал. В этом у меня сомнения нет, так я и шерифу скажу.

– Хорошо, когда человек узнает дело своих рук, – с прежним холодком промолвил Роберт. – Если так, то можешь остаться здесь и сообщить лорду Прескоту или тем, кого он пришлет, все, что ты думаешь по этому поводу.

Сперва я сам поговорю с ними, ибо ныне я в ответе за порядок и спокойствие в нашей обители, а потом скажу, чтобы они зашли сюда. Когда же они выяснят все, что им нужно, дай знать брату Эдмунду, чтобы он обрядил тело и поместил в часовне.

Мадам, – обратился он ко вдове совершенно иным тоном, – вы не должны думать, что это несчастье помешает вам пользоваться нашим гостеприимством. Мы скорбим вместе с вами и не станем усугублять вашу печаль. Если вам что-то потребуется, пошлите ко мне вашего слугу.

Брату Эдмунду, который с несчастным видом вертелся поблизости, приор сказал:

– Пойдем со мной. Я хочу посмотреть, где хранятся такие снадобья и насколько легко посторонний может до них добраться. Брат Кадфаэль останется здесь.

Приор вышел тем же размашистым шагом и столь же величаво, как и пришел, а Эдмунд так же суетливо засеменил за ним по пятам. Кадфаэль глядел Роберту вслед и размышлял: конечно, для приора, который только что приступил к исполнению столь высоких обязанностей, случившееся представляло серьезную неприятность, и он, понятное дело, постарается приписать эту смерть какой-нибудь естественной причине. Но даже и в этом случае аббатство окажется в непростом положении, достаточно вспомнить о неутвержденном соглашении. И само собой, Роберт готов из кожи вон вылезть, только чтобы на обитель не пала тень ужасного подозрения в убийстве, и уж коли нельзя будет не признать, что Бонел отравлен, то возникнет соблазн свалить это злодеяние на какого-нибудь бродягу, не имеющего никакого отношения к монастырю. Трудно винить приора в этом, но Кадфаэль не мог примириться и с тем, что изготовленное им снадобье, призванное облегчать страдания, было использовано для того, чтобы лишить человека жизни.

Вздыхнув, монах обернулся к удрученным домочадцам, и взгляд его встретился со взглядом вдовы. В глазах ее не было слез; она смотрела на него, и многое читалось в ее лучистом взоре: казалось, она сбросила с плеч лет двадцать и освободилась от тяготившего ее нелегкого бремени. Кадфаэль подумал было, что сердце женщины, потрясенной горестной утратой, вовсе не разбито, но нет, за этим крылось нечто иное. Сейчас это была та самая Ричильдис, с которой он расстался в семнадцать лет. Слабый румянец проступил на ее щеках, едва заметная улыбка тронула губы. Она глядела на него так, словно их что-то

связывало, и только присутствие посторонних удерживало ее от того, чтобы заговорить об этом.

Какой-то миг он пребывал в полной растерянности, но почти сразу понял, в чем дело и какую ловушку уготовила ему судьба. Уходя, приор Роберт назвал монаха по имени, какое не слишком часто встречается в здешних краях. Что еще нужно было женщине, которая, возможно, уже пыталась припомнить, где она слышала этот голос, где видела ту же походку, чтобы связать все воедино?

Теперь ему будет трудно оставаться в этом деле непредвзятым и беспристрастным. Ричильдис не только узнала его: глаза ее говорили о том, что она благодарит его и уверена в том, что может на него положиться, – Кадфаэль даже не осмеливался представить себе, до каких пределов.

Глава третья

Жильбер Прескот, который занимал пост шерифа Шрусбери с тех пор, как прошлым летом город перешел под власть короля Стефана, обосновался в Шрусберийском замке. Он укрепил его для своего короля и правил оттуда умиротворенным ныне графством. Если бы в то время, когда в замок прибыло известие от приора Роберта, помощник шерифа находился в городе, Прескот, скорее всего, поручил бы разбираться с этим делом ему. Брат Кадфаэль был бы этому только рад, ибо не сомневался в проницательности Хью Берингара. Однако тот был в отлучке, в собственном маноре, и в дом у мельничного ручья отправили сержанта в сопровождении двух вооруженных стражников.

Сержант был рослым, бородатым мужчиной с зычным голосом. Шериф полностью доверял ему и предоставил полномочия действовать от своего имени. Прежде всего сержант обратился к брату Кадфаэлю как к монаху обители, откуда известили о случившемся. Кадфаэль и поведал ему обо всем, что происходило с того момента, как его позвали к больному. Приор Роберт, разумеется, успел сообщить сержанту о том, что блюдо, послужившее, возможно, причиной смерти, было послано с его собственной кухни, по личному его распоряжению.

– Стало быть, ты убежден в том, что его отравили? И что яд подмешали только в одно это блюдо?

– Да, – отвечал Кадфаэль, – в этом я могу поклясться. Соуса в судке осталось только на донышке, но если ты слегка помажешь им губы, то скоро почувствуешь жжение. Я это на себе проверил, тут нет никаких сомнений.

– Однако приор Роберт, который тоже ел эту птицу, благодарение Господу, жив и здоров. Выходит, отраву добавили в пищу по пути от аббатской кухни до хозяйского стола. Это недалеко, и времени на дорогу требуется совсем немного. Эй ты, парень, это ведь ты носишь еду с кухни в дом? И сегодня приносил? Ты по дороге где-нибудь останавливался? С кем-нибудь говорил? Может, ты где-нибудь оставлял свой поднос?

– Нет-нет, – начал оправдываться Эльфрик, – если бы я задержался и еда остыла, мне бы за это досталось. Я всегда выполняю все, как велено, так было и на этот раз.

– Ну ладно, а здесь? Что ты сделал с подносом, когда вошел?

– Он передал его мне, – вмешалась Олдит – так быстро и решительно, что Кадфаэль взглянул на нее с интересом. – Вошел, поставил поднос на лавку возле жаровни, а я пристроила этот судок на полку над жаровней, чтобы блюдо оставалось теплым, ну а все остальное, что было на подносе, мы сразу же подали господину и госпоже. Эльфрик тогда сказал мне, что это особое блюдо, которое приор из любезности послал нашему хозяину. А когда я обслужила господ, мы сами уселись здесь на кухне, чтобы поесть.

– И никто из вас не заметил, что с этим блюдом что-то не так? По запаху, скажем, или по виду?

– Нет, птица была сдобрена пряным соусом, со специями – запах был очень аппетитный, только и всего. Хозяин-то ведь съел все без остатка и сперва тоже ничего не заметил, ну а потом у него стало жечь во рту...

– А ты... – сержант обернулся к Меуригу, – тоже был здесь? Ты что, служишь в этом доме?

– Теперь нет, – с готовностью отвечал Меуриг. – Я родом из манора мастера Бонела, но нынче я работаю в городе, у плотника Мартина Белкота. Сегодня я зашел в аббатство проведать в лазарете своего двоюродного дядюшку – брат Эдмунд вам подтвердит. Ну а потом, раз уж оказался поблизости, решил заглянуть сюда, навестить знакомых. Я вошел на кухню, как раз когда Олдит с Эльфриком садились обедать, они и меня пригласили.

– Еды было достаточно, – вставила Олдит, – у аббатского повара щедрая рука.

– Итак, вы все время сидели втроем и ели здесь, на кухне. А там... – сержант прошел в комнату и окинул взглядом разгром на столе, – мастер Бонел и хозяйка, это понятно.

Сержант был далеко не глуп и уж считать, во всяком случае, умел; от него не укрылось, что все в доме будто сговорились не упоминать еще одного сотрапезника.

– Здесь накрыто на троих. Кто был третий?

Деваться было некуда, кому-то все равно надо было отвечать, и Ричильдис взяла это на себя. С невинным видом, точно удивляясь неуместному вопросу, она пояснила:

– Мой сын. Но он ушел еще до того, как мужу стало плохо.

– Так и не пообедав? Сдается мне, это его тарелка не тронута?

– Его, – сухо подтвердила вдова, не желая вдаваться в подробности.

– Мадам, – сержант мрачновато улыбнулся, – мне кажется, вам бы стоило присесть и рассказать мне побольше о вашем сыне. Я тут слышал от приора Роберта, что ваш муж собирался подарить монастырю свои земли в обмен на этот дом и пожизненный статус гостей обители для себя и для вас. После того, что здесь случилось, соглашение это, похоже, оказалось под вопросом, поскольку оно не было утверждено. Таким образом, получается, что наследник этих земель, если, конечно, таковой имеется, мог бы извлечь немалую выгоду из того, что ваш муж покинул грешную землю прежде, чем грамота была скреплена

печатью. Что же до вашего с мастером Бонелом сына, то без его согласия о подобном договоре не могло быть и речи. Объясните-ка мне, как же это ваш муж лишил сына наследства?

Видно было, что Ричильдис вовсе не хочется распространяться по этому поводу, однако ей хватило ума сообразить, что слишком долгое молчание может лишь возбудить подозрение, и потому она ответила:

– Эдвин – мой сын от первого брака, и Гервас не имел никаких обязательств по отношению к нему. Он мог распоряжаться владениями по своему усмотрению.

Ричильдис поняла, что придется рассказать все: если сержант выведает это у кого-нибудь другого, будет только хуже.

– Это верно, – сказала она, – что вначале он составил завещание, в котором объявлял Эдвина наследником, но он был вправе и передумать.

– Ага! Из-за этого соглашения ваш сын лишился наследства, и, потеряй оно силу, он бы от этого выгадал. А времени на раздумья у него было маловато: несколько дней, ну недель – и будет назначен новый аббат. О, поймите меня правильно, я только размышляю. Нередко бывает, что смерть одного человека на руку другому – или другим. Может, и еще кто выигрывал от смерти мастера Бонела, но ваш сын – это точно.

Ричильдис закусила дрожащую губу, но, помедлив и собравшись с духом, ответила:

– Я не буду спорить с вашими доводами. Но одно я знаю: как бы ни желал мой сын унаследовать этот манор, такой ценой он ему не нужен. Мальчик учится ремеслу, он не хочет ни от кого зависеть и всего в жизни будет добиваться самостоятельно.

– Но сегодня он был здесь. И убрался, как видно, весьма поспешно. Когда он пришел?

Тут в разговор вступил Меуриг:

– Он пришел со мной. Он ведь учится у мужа своей сестры, Мартина Белкота, у которого я работаю подмастерьем. А сегодня утром я пригласил его сходить в аббатство, навестить моего старого дядюшку – мы уже раз ходили туда вместе.

– Так вы вместе и сюда пришли? А совсем недавно ты говорил: «Я вошел на кухню». «Я», а не «мы».

– Он раньше меня пришел. Паренек непоседливый... надоело ему торчать возле больного старика, тем более что мы с дядюшкой говорили только по-валлийски, к тому же дома его матушка поджидала. Вот он и пошел вперед. Когда я пришел, он уже сидел за столом.

– Да не больно-то он много съел, – задумчиво промолвил сержант, – правда, это не удивительно: что за радость пареньку обедать с человеком, который лишил его наследства. А что, они первый раз так встретились с тех пор, как хозяин отказался от завещания?

«Сержант явно учуял след, – подумал Кадфаэль, – и немудрено: это бросилось бы в глаза и полному профану, а сержант отнюдь не таков. Что еще мог бы я предположить на его месте при подобных обстоятельствах? Парнишке было очень нужно – пока не поздно – помешать тому, чтобы соглашение вступило в силу, – и вот он оказывается здесь как раз перед тем, как случилось несчастье, и является не откуда-нибудь, а прямо из лазарета, где можно было раздобыть то, что позволило бы ему решить эту проблему раз и навсегда».

Ричильдис под строгим взором сержанта тайком кидала на Кадфаэля отчаянные, взывающие о помощи взгляды, умоляя спасти ее дорогого сына, который, казалось, с каждой минутой увязал все глубже и глубже.

«Расскажи им все, что может быть использовано против него, – взглядом убеждал ее монах, – не умалчивай, иначе хуже будет».

– Да, в первый раз, – сказала Ричильдис, – и сыну было очень непросто решиться на эту встречу. Он сделал это ради меня. Не потому, что рассчитывал переубедить мужа, а только затем, чтобы мне жилось полегче. Меуриг, спасибо ему за это, долго уговаривал мальчика зайти к нам, и сегодня тот наконец согласился. Но мой муж встретил Эдвина враждебно и стал насмехаться над ним. Мол, прибежал выпрашивать назад обещанный манор. Манор-то ведь и

вправду был ему обещан. Только у Эдвина ничего подобного на уме не было. Да, они поссорились! Оба они люди вспыльчивые, не обошлось и без бранных слов. Эдвин не стерпел и выбежал вон, а муж запустил ему вслед тарелкой – вон у стены осколки валяются. Вот и вся правда – можете слуг спросить. Спросите Меурига, он знает. Сын выскочил отсюда и побежал в сторону города, а сейчас, я уверена, он в Шрусбери, где живет его сестра с мужем, – теперь он считает, что его дом там.

– Правильно ли я вас понял, – переспросил сержант, пожалуй, чересчур миролюбиво, – что он, как вы говорите, выбежал через кухню? А там сидели эти трое? – Сержант обернулся к Олдит и молодым людям, и теперь в его голосе зазвучали и резкие нотки: – Вы видели, как он, не задерживаясь, выбежал из дома?

Те заколебались, бросая друг на друга растерянные взгляды, – и это было ошибкой. Наконец, поняв, что деваться некуда, Олдит ответила за всех:

– Когда там стали браниться и швыряться посудой, мы втроем вбежали в комнату, хотели попробовать успокоить хозяина или... хотя бы...

– ... помочь мне, – закончила за нее Ричильдис.

– Стало быть, вы все находились в комнате, когда он выбежал? – Сержант был уверен в своей догадке, и смущенные лица невольно подтвердили его правоту.

– Так я и думал. Если кто-то сильно разбушевался, разве его сразу утихомиришь! Выходит, никто из вас не видел, задержался ли паренек на кухне, а значит, никто не может утверждать, что он не подлил кое-чего в судок с куропаткой, чтобы рассчитаться с отчимом. Он утром был в лазарете, и раньше там бывал, так что, вполне возможно, знал, где взять это снадобье и как его употребить. Вероятно, собираясь на этот обед, он предусмотрел, как ему поступить в том случае, если примирение не состоится.

Ричильдис отчаянно замотала головой:

– О нет, вы его не знаете! Он пришел мириться, только мириться. Да и не мог он задержаться на кухне: Эльфрик почти сразу же бросился вдогонку, чтобы попытаться уговорить его вернуться. Он за Эдвином почти до моста гнался, но

тот его не послушал.

– Это правда, – подтвердил Эльфрик, – у него не было времени задерживаться на кухне. Я мчался за ним со всех ног и выкрикивал его имя, но он даже не оглянулся.

Сержанта это не убедило.

– Сколько времени требуется, чтобы опорожнить маленькую склянку в открытый судок? Взмах руки, и все – никто и не узнает. Ну а когда ваш хозяин малость поутих, подарок приора пришелся как нельзя кстати, – чтобы потешить задетое самолюбие, – и он с удовольствием все съел.

– Но разве мальчик знал, – осторожно вмешался Кадфаэль, – что из этого судка будет есть только мастер Бонел? Вряд ли стал бы он рисковать жизнью своей матери.

Однако сержант к этому времени был уже настолько уверен в том, что идет по верному следу, что довод монаха не возымел действия. Он бросил на Олдит тяжелый взгляд, и при всей своей бойкости девушка слегка побледнела.

– Раз уж пришлось подавать на стол при таких обстоятельствах, думаю, добрая служанка не упустила случая поднять хозяину настроение. Когда ты вошла в комнату, неужто ты не сказала, что его дожидается угощение, которое сам приор прислал ему в знак внимания?

Опустив глаза, девушка теребила краешек передника.

– Я думала, это его смягчит, – беспомощно промолвила она.

Теперь сержант знал или, во всяком случае, полагал, что знает, все, что необходимо для того, чтобы задержать убийцу. Он в последний раз окинул взглядом растерянных домочадцев и заявил:

– Ну теперь, пожалуй, вы можете навести здесь порядок: все, что мне нужно было, я видел. Брат Эдмунд готов помочь вам позаботиться об усопшем. А я должен быть уверен, что найду вас здесь, если у меня появятся еще вопросы.

– Где же нам еще быть, – понуро отозвалась Ричильдис. – А что вы собираетесь делать? Вы хоть дадите мне знать, если... если... – Слова не шли у нее с языка. Она пружинисто выпрямилась и произнесла с достоинством: – Мой сын непричастен к этому злодеянию, и вы сами убедитесь в этом. Он еще дитя, ему и пятнадцати нет.

– Так значит, мастерская Мартина Белкота?

– Я знаю, где это, – сказал один из стражников.

– Отлично! Покажешь дорогу, а там посмотрим, что скажет паренек в свое оправдание.

И они уверенно повернулись к двери. Но тут вмешался Кадфаэль, углядевший возможность хотя бы самую малость поколебать убежденность сержанта:

– Остался еще один вопрос: в чем принесли это снадобье. Кто бы ни похитил его – из моей ли кладовой, из лазарета ли, – он должен был иметь какой-то сосуд, чтобы его отлить. Меуриг, ты заметил сегодня утром у Эдвина что-нибудь в этом роде? Даже маленькая склянка заметна – и в кармане, и в складках одежды.

– Ничего подобного я не видел, – твердо ответил Меуриг.

– И еще: эта жидкость легко просачивается, даже если сосуд плотно укупорен и обвязан. А куда попадет хоть капля, остаются пахучие маслянистые пятна. Так что надо обратить внимание на одежду всех, кто находится под подозрением.

– Ты собираешься учить меня моему делу, брат? – снисходительно усмехнулся сержант.

– Вовсе нет, – невозмутимо промолвил Кадфаэль, – я только указываю на те особенности, которые имеют отношение к моему делу и могут помочь тебе избежать ошибки.

– С твоего позволения, – бросил через плечо сержант, уже стоя у двери, – мы сначала поймем виновного, а уж когда он будет у нас в руках, не думаю, чтобы

нам потребовались твои ученые советы.

И он зашагал по тропинке к дороге, где стояли стреноженные кони, а стражники последовали за ним.

Ближе к вечеру сержант со своими людьми явился в дом Мартина Белкота на Вэйле. Плотник, здоровенный добродушный детина лет сорока, оторвался от своей работы и приветливо, без тени удивления или беспокойства, поинтересовался, чем он может им услужить. Ему случалось выполнять заказы для гарнизона Прескота, и в появлении служителей шерифа он не нашел ничего необычного. Дверь, которая вела в комнаты, приоткрылась, и из нее выглянула миловидная женщина с каштановыми волосами, а следом поглазеть на пришедших высыпали трое ребятишек. Они открыто и не смущаясь уставились на незнакомцев. Девочка лет одиннадцати, очень серьезная и аккуратная, державшаяся с достоинством доброй хозяйшки, крепенький карапуз лет восьми или около того и прелестное создание не старше четырех лет с деревянной куклой под мышкой. Они смотрели во все глаза и держали ушки на макушке. Дверь дома так и осталась распахнутой, а голос у сержанта был зычным и повелительным.

– У тебя ведь есть ученик по имени Эдвин? У меня к нему дело, – начал сержант.

– Есть у меня такой, – подтвердил Мартин, вставая и отирая с рук полировочную пасту. – Эдвин Гурней, младший брат моей жены. Дома его еще нет. Он отправился навестить свою матушку в предместье. Пора бы уж ему и вернуться, да матери небось захотелось, чтобы сынок побыл с ней подольше. Что вам от него надо? – Мартин не заподозрил ничего худого и держался спокойно.

– Из дома своей матери этот паренек ушел часа два тому назад, – заявил сержант без обиняков, – мы сами сейчас оттуда. Не обижайся, приятель, но, хоть ты и говоришь, что его здесь нет, мой долг это проверить. Так что мы, с твоего позволения, осмотрим дом и двор.

Мартин насупил брови, спокойствия как не бывало. В дверь вновь просунулась каштановая головка его жены: на ее милом личике появилось беспокойство, в черных глазах – настороженность. Дети вытаращили глазенки, малютка, невинное сердечко которой жаждало справедливости, выпалила: «Дядя

плохой!» – и никто на нее не шикнул.

– Если я сказал вам, что его нет в моем доме, – заговорил Мартин, не теряя присутствия духа, – то так оно и есть. Можете убедиться в этом сами. Осмотрите все: и дом, и двор, и мастерскую – мне скрывать нечего, а вот вы что-то недоговариваете. Этот парнишка по своей воле стал моим учеником, он брат моей жены и дорог мне, как родной сын. Зачем вы его ищете?

– Сейчас, в этот момент, – с расстановкой произнес сержант, – в предместье, в том самом доме, куда сегодня утром пошел твой ученик, лежит тело Герваса Бонела, его отчима, того, что завещал было ему манор Малийли, а потом передумал. Он убит. Именно по подозрению в этом убийстве я и разыскиваю Эдвина. Тебе этого достаточно?

Этого было более чем достаточно для старшего сына Мартина, Эдви, который наострил уши, не высовываясь из задней комнаты. Известие это его поразило. Он не мог понять, как же так: стража явилась за Эдвином, а Эдвин... он давно уж должен был вернуться домой, если бы все уладилось. Эдви ведь с самого начала чуял, что дело добром не кончится, – это взрослым казалось, что все обойдется.

Не успели люди шерифа войти в дом, как Эдви торопливо выбрался через заднее окошко во двор, вскарабкался на поленницу, словно белка перемахнул через стену и что было мочи припустил по склону к одной из маленьких дверей в городской стене, которые в мирное время оставались открытыми и выходили к крутому берегу неподалеку от винного двора аббатства. Немало мастеровых из города, те, кому требовались вместительные склады, отгораживали там участки, где хранили разные материалы. Там находился и дровяной склад Мартина Белкота, где плотник высушивал бревна. Оба паренька, бывало, отсиживались там, когда им грозила выволочка. Там-то и мог спрятаться Эдвин, если бы... нет, конечно, не потому что он убил, это полная чушь! Но если бы его обидели, допекли и он сейчас был бы очень несчастен и страшно зол. Настолько, что мог помыслить об убийстве, но пойти на это – никогда. Он не таков.

Эдви, уверенный, что за ним не следят, неся стремглав. Запыхавшись, он влетел в калитку отцовского склада и полетел кувырком, зацепившись за ноги Эдвина, который сидел на земле, размазывая по щекам слезы ярости и обиды.

Стоило Эдви подняться, как Эдвин, уязвленный тем, что его застали в слезах, вlepил приятелю оплеуху и тут же получил в ответ увесистую затрещину. Всякий раз, когда у друзей что-то не клеилось, они устраивали хорошую потасовку. Это вовсе не было ссорой, скорее, проверкой боевой готовности. Вздумай вмешаться кто-нибудь третий, его оттузили бы куда покрепче. Эдви быстренько поведал все, что узнал, совершенно обескураженному и сбитому с толку Эдвину, и оба паренька уселись поближе друг к другу, собираясь придумать какой-нибудь сногшибательный план.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Василиск – сказочное чудовище, убивающее взглядом.

2

Манор – феодальная вотчина в средневековой Англии.

Купить: https://tellnovel.com/piters_ellis/monashiy-kapyushon

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)